

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Я промазал, опер – нет

«ЭКСМО»

2010

Колычев В. Г.

Я промазал, опер – нет / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2010 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

ISBN 978-5-699-40658-6

Капитан милиции Петрович, несмотря на свой богатый опыт, не мог припомнить такого криминального беспредела. Черногайск в одночасье захлестнула волна профессионально исполненных убийств. На первый взгляд они никак не были связаны между собой. Но по мере того, как капитан проводил расследование, один за другим начали всплывать любопытные факты. Например, выяснилось, что всех этих людей убрал один и тот же киллер. И что жертвы не так давно ездили на экскурсию в Москву – в составе одной группы...

ISBN 978-5-699-40658-6

© Колычев В. Г., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Колычев

Я промазал, опер – нет

Часть первая

Глава 1

Разлапистый кряжистый дуб, немолодой уже, но еще и не старый, снисходительно возвышался над прахом своего прародителя – толстокорого, местами обугленного и целиком усохшего колосса, поверженного временем с помощью ветров и молний. На смену старому генералу пришел новый – молодежавый, стройный и сильный. Прочные тугие ветви, усыпанные свежей с глянцем листвой, мощный, в два-три обхвата ствол, основательно стоящий на крепких, глубоко и широко вросших в землю корнях. И формой своей дерево напоминало дубовый лист – символ генеральской власти.

Генерал без адъютанта все равно что звезда без погона. Поэтому лесному начальнику прислуживал молодой дубок с прямым стволом и ровными ветками, кроме одной, дугой изогнутой книзу – казалось, дерево подбоченилось в стойке «смирно». Справа от генерала, чуть ниже на склоне холма, по стойке «вольно» шептались меж собой три статных дуба с военной выправкой. Старшие офицеры.

Мне до генерала далеко, но просто майором должен стать этим летом. Уже два месяца, как исполняю обязанности начальника отдела уголовного розыска, вот-вот в кадрах должны подписать один приказ, ликвидирующий приставку «врио», а со временем и другой – о присвоении очередного звания. Не так давно мне исполнилось тридцать шесть лет, не молод я уже, поэтому, можно сказать, карьерная справедливость немного припозднилась. Но все же быть мне майором, потому я весело подмигнул трем «старшим офицерам» из свиты дуба-генерала. Хорошо, что по лесу я бродил в одиночестве – никто не видел, с кем я перемигиваюсь, а то бы последовали нелестные для меня оргвыводы по поводу моего душевного здоровья.

Сам я ничего крамольного в своих наблюдениях и сравнениях не видел. Что лес, что мир людей – одна природа. Вот рядом с «генералом», слева от него высится березка, модница с равномерно-пышной, но короткой сверху и снизу кроной, как будто зеленое мини-платье с глубоким декольте надела, видно, как снизу белеют длинные «ноги», а сверху – «плечи», прикрытые длинными гибкими ветками «волос». Ствол-стан тонкий, ровный, но с легким волнующим изгибом. Нескромная лесная красавица с непростым характером. Не зря ее ветви раскинуты широко – как будто на пути к генералу она расталкивала локтями своих конкурентов, таких же белоствольных, но более скромных красавиц, что теснились у подножия холма. Шелестят на ветру, шушукаются, обсуждают выскочку, занявшую место возле генерала. Впрочем, у них был выбор. Хоть и не на холме, но все же особняком важную позу занимал зрелый ясень с крепким осанистым стволом, но дряблой, замшелой снизу корой. Лесной чиновник высокого ранга, вокруг которого в подобострастном поклоне стояли секретари-осины, они угодливо тянули ветви к своему начальнику – напоказ заносили в блокноты его ценные указания. Были здесь и просители – согнутые в пояс деревья с чахлыми кронами.

Но непросто будет красавицам-березкам подобраться к лесному правителю. Раскидистая сосна с кривым стволом напоминала мне хулигана с душой рубахи-парня. Казалось, что в длинных, разведенных в сторону ветвях он растягивает меха веселой гармонии. Рядом с ним две елочки, ветви робко прижаты к стволам, макушки покорно склонены перед чужой силой. Елочки-трусихи, пугливо взирающие на лесного охальника. Сейчас он матерные частушки

орет, а потом, разыгравшись, и пнуть может. Но не только его стоило бояться березкам. В глубине леса хоронились разлапистые кедры с мрачными темнохвойными кронами, настоящие лесные разбойники. Эти могли как ограбить, так и надругаться. И хорошо, что их стволы оплетают кусты можжевельника, будто в кандалах их держат, чтобы не нарушали они мирный уклад лесной жизни. Но не всякого разбойника удержишь на цепи...

Лес уже оправился после зимней спячки, приоделся, прихорошился – глаз и обоняние радовала молодая листва, под ногой мягко пружинила ярко-зеленая травка. И дышится не просто легко, казалось, что вместе с воздухом в легкие поступает бодрящая энергия майского леса.

Мне нравилось бесцельно бродить по лесу, без ружья, без фотоаппарата, вне времени. Только так можно было и сил набраться, и запастись ими впрок. И еще хотелось освободиться от грустных дум, на которые наводила прожитая жизнь. Вроде бы все неплохо у меня; в прошлом – весомый багаж раскрытых дел, в будущем – повышение сначала в должности, затем и в звании. Мне уже тридцать шесть лет, в этом возрасте я мог бы уже носить погоны полковника, но мысль об упущенной карьере меня не очень беспокоила. Каждому свое. Для полноты ощущений мне хватало доброго имени в настоящем и майорской звезды – в недалеком будущем. А тяготили меня незаполненные пустоты в личном пространстве.

Я еще не изнывал от чувства одиночества, но все чаще ловил себя на мысли, что никому в этой жизни больше не нужен. В молодости я категорически не желал обзаводиться семьей: и свободу не хотел терять, и бытом себя обременять. Легко заводил подружек, также просто расставался с ними и еще радовался как тот глупец, мнящий себя великим мудрецом. Но со временем эта легкомысленная система порочных удовольствий стала давать сбой.

В двадцать шесть лет меня впервые бросила девушка. Не я ушел от нее, а наоборот. Это был хоть и небольшой, но все же удар по моему самолюбию. Как сбитый летчик, я спустился на землю на парашюте, сотканном из воспоминаний о славном прошлом, осмыслил свою ошибку и снова поднялся на боевую высоту. Победа за победой, и так три года, пока меня снова не бросили. Отчаиваться, конечно, я не стал, и после поражения снова последовала череда победных завоеваний. Правда, длилась она недолго.

Тридцатилетний юбилей я праздновал в одиночестве, потому что моя девушка ушла к мужчине, более успешному, как она сказала, и состоятельному. Я попытался найти ей замену, но прежде чем смог заполнить пустоту в своей постели, несколько раз потерпел фиаско. Красивые молодые девушки, как назло, не желали со мной знакомиться, отчего я стал терять уверенность в себе. Может, потому и перешел на менее молодых и красивых...

А в прошлом году случай свел меня с двадцатилетней красавицей. Большой любви, может, и не было, но ради нее я готов был сунуться к черту на рога. И сунулся – прошел через ад атомного полигона. Вернулся с победой, но узнал, что Арина живет с другим. Правда, она меня отблагодарила – подарила целую ночь, но утром ушла и больше не возвращалась. Может, я и нравился ей, но у нее был выбор – или я, нищий капитан милиции, или успешный бизнесмен при солидных деньгах. Она выбрала второе... Почти год прошел с той поры, но я так и продолжал оставаться в одиночестве. Все женщины как сговорились, куда ни сунься, везде отпор – то мягкий, то жесткий, но везде категоричный, как шлагбаум поперек дороги. Возможно, в некоторых случаях они говорили «нет» с дальним прицелом на «да». Но я не настаивал, легко сдавал позиции, потому и терпел поражения одно за другим. А все потому, что не хватало уверенности – ни в себе, ни в завтрашнем дне вообще. Тридцать шесть лет мне, я одинок и даже не с кем создать семью. А ведь уже появилось желание обзавестись и женой, и потомством.

Может быть, я напоминал капитана, который решил исправить ложный курс после того, как его судно село на мель. Нужно было выправить курс, снова встать на ход, пройти путь и бросить швартовы в надежной гавани, но беда в том, что не хотелось барахтаться, пытаясь сорваться с крючка одиночества. И все чаще возникали ассоциации с эком, который после многих лет заключения не хочет выходить на волю. Все стремился к личной свободе, но вдруг

оказалось, что мне она вовсе не нужна. Я заточил себя в тесной раковине и теперь боялся из нее вылезать. И все потому, что мне вдруг стало катастрофически не хватать уверенности в себе, и я уже чурался того, о чем раньше думал с упоением. Если раньше женщины представлялись мне жертвами, то сейчас я больше видел в них хищниц, способных если не прокусить заточенным зубом, то как минимум уязвить острым языком... Может, потому я и подался сегодня в лес, чтобы отдохнуть от службы и окислить грустные мысли кислородом чистого воздуха.

Может, потому и направился к могучему генеральскому дубу, чтобы, прижавшись к нему спиной, напитаться его здоровой энергией. А заодно и красавицу-березку обниму. Вот уж она точно не скажет «нет», и еще подбодрит, пробудит во мне уверенность, которой мне сейчас так не хватает...

Я продирался через овраг, поросший колючим кустарником, когда услышал шум двигателя. По лесной дороге, скрытой спинами кедров-разбойников, проезжал автомобиль. Я даже успел увидеть, как он мелькнул за деревьями. Но смог определить только его примерную скорость, но никак не марку. Возможно, это был грузовик, но мне больше казалось, что это легковушка.

Я насмешливо сощурил глаза и несильно похлопал себя ладонью по лысине. Ну какая мне, спрашивается, разница, что это была за машина? Я же просто гуляю по лесу, отнюдь не безлюдному. Конец мая, погода превосходная, уставший от долгой зимы народ стремится на природу. Может, я слишком далеко уехал от города, чтобы веселые и теплые компании попадались мне на каждом шагу. Но все же здесь можно было столкнуться и с охотниками, и с такими же бестолковыми бродягами, как я. К тому же речка здесь где-то рядом, может, рыбаки возвращаются домой... Именно возвращаются, потому что машина ехала в сторону города. Но мне-то какое до нее дело? А никакого! Забота у меня сейчас одна – празднично шататься по лесу и нагуливать себе радость тихого бытия.

Я поднялся на холм, где свили себе семейное гнездо лесной генерал и бедовая березка. Подошел к дубу, обошел его, прижавшись к нему сначала боком, а затем спиной. Закрыв глаза, медленно сполз вниз по стволу, сел на ворох прелой прошлогодней листвы, чуть влажноватой после недавнего дождя. И физически ощутил, как жизненная сила просачивается через одежду и кожу, впитывается в кровь, растекаясь по телу. Может, я внушил себе этот прилив энергии, но настроение улучшилось вполне осязаемо.

Но еще я почувствовал, как влага земли впитывается в ткань моих брюк, дискомфортно холодит седалищный нерв. Пришлось открыть глаза и подняться на ноги. Да и к березке уже, пожалуй, пора.

Обернувшись к белоствольной красавице, я скользнул взглядом по зеленой полянке, вид на которую открывался с вершины холма. Неплохое место для отдыха: с одной стороны, за ивовым подлеском, текла небольшая речка, с другой – природной изгородью тянулась кустарниковая поросль шиповника, малины, жимолости. Сухо на полянке, трава невысокая, но густая и плотная. И еще к ней со стороны леса выходила грунтовая дорога.

Я не удивился, когда мой взгляд выхватил бирюзового цвета внедорожник, туристическую палатку, дымящийся костер возле нее. Но меня сейчас больше волновало свидание с березкой, чем отдыхающие на полянке люди. Я подошел к ней, обнял ствол. И уже собираясь закрыть глаза, снова глянул в сторону однопалаточного лагеря. Тихо там, людей нет – может, рыбачат они в прибрежном подлеске, потому и не видно их... Пусть делают что хотят, а я покрепче прижмусь к дереву...

Хотя нет, есть человек. Все-таки мой глаз смог зацепиться за зеленую куртку, из-за своего цвета сливающуюся с травой. Она не просто валялась, а была надета на человека, который лежал на земле в нескольких шагах от костра. Лежал, раскинув руки и зарыв голову в траву. Лежал как-то противоестественно для просто отдыхающего человека... Я ощутил, как напряг-

лось сознание, завибрировали нервы, а зарядное устройство, через которое в меня поступала энергия природы, встало на блокировку.

Не так давно с этой полянки на приличной скорости выехала машина. Она могла отправиться в ближайшее село за продуктами, возможно, увезла кого-то из отдыхающих домой. Можно было придумать массу подобных версий, да я бы и не стал забивать ими голову, если бы не тело человека, безжизненно лежащего в траве. На машине мог уехать убийца. Эта мысль восклицательным знаком вонзилась в мое сознание, и я чуть ли не бегом направился к подзрительному месту.

Я спустился с холма и на добрую сотню метров приблизился к поляне, но вместе с тем выпустил ее из виду, потому что на пути у меня встала стена кустарника. Пришлось продирааться сквозь нее. Одет я был и по погоде, и по среде обитания – резиновые сапоги на толстой упругой подошве, свитер с воротом под брезентовой ветровкой. Кустарник оказался низким, и колючие пружинистые ветки не доставали до моего лица, а плотная ткань моей одежды легко сглаживала хлесткость их щелчков.

Я уже почти преодолел это несложное препятствие, когда увидел мертвую женщину. Она лежала под кустом дикой малины, устремив к небу испуганные глаза. Grimаса ужаса навеки застыла на ее немолодом уже лице, рот был искривлен, с губ стекала кровь. Свежая кровь, уже свернувшаяся, но еще не затвердевшая. И труп еще даже не начал коченеть.

Красная куртка на женщине была распахнута настежь, а на бежевой кофточке растеклась кровь – в центре этого страшного пятна темнели сразу две небольшие дырочки. Первая пуля попала в сердце, и жизнь оборвалась в один миг. Второй выстрел оказался таким же точным...

Примятая трава еще не успела вернуться в обычное свое состояние, и я увидел путь, который проделала женщина от палатки. Она бежала к спасительным, как ей, видимо, казалось, кустам, но убийца нагнал ее. В конце концов она поняла, что ей не уйти, с ужасом в глазах развернулась к нему лицом, и он, не раздумывая, выстрелил. И тут же снова нажал на спусковой крючок. А может, сначала жертва упала, а потом был произведен контрольный выстрел... Ничего, эксперты разберутся. А мне нужно было идти дальше.

Зеленая куртка, которую я заметил издали, принадлежала мужчине. Он лежал на животе, уткнувшись лицом в траву. Руки раскинуты в стороны, ноги разведены – в таком положении парит в небесной высоте профессиональный парашютист, чтобы увеличить планерность своего тела. В затылке трудно было заметить пулевую скважинку, из которой не так давно хлестала кровь.

Еще один труп я обнаружил у входа в палатку. Вот когда меня потрянуло изнутри от возмущения и злости. До сих пор человек, застреливший мужчину и женщину, воспринимался мной как нечто абстрактное, а сейчас я думал о нем как о редкостном подонке, которому нет места на земле. Своими руками бы эту сволочь задушил. Если бы представилась такая возможность...

Этот ублюдок убил девочку лет десяти. Белокурый ребенок лежал на спине, двумя руками прижимая к себе голубоглазую куклу с белыми бантами. Во лбу темнела небольшая дырочка, прикрытая локоном слипшихся от крови волос. Стиснув зубы, я наклонился к ребенку, приложил пальцы к щеке, которая, как я и предполагал, еще не успела остыть. Рука моя дрогнула, и я неосторожно задел куклу. «Я – Маша!» – звонким, с китайским акцентом голосом сообщила она. В голове тренькнул колокольчик, сгущающимся эхом отозвался залиvistый детский смех, ухнул сын, гавкнула убегающая собака... Психику мою трудно сломать, но можно выгнуть в сумеречную полусферу. Надо было что-то делать, чтобы ослабить давление на нее. И я уже знал чем себя занять...

Моя машина находилась далеко, пока дойдешь до нее, пройдет не меньше получаса. А рядом с палаткой стоял старенький «Опель» с мятым задним крылом.

Но прежде чем направиться к машине, я инстинктивно вынул из кобуры табельный «ПММ».

Я не охотник, и ружье с собой не брал. Но пистолет прихватил – и чтобы дома без призора не оставлять, и на всякий случай, который, увы, наступил.

Понятно, что убийца уже скрылся с места преступления. Но ведь я мог ошибаться, и тогда он, возможно, где-то рядом. К тому же пистолет в руке послужил мне громоотводом, в который ушел излишек злости. Оружие настраивает на агрессивный лад, но оно же и успокаивает, примерно так же, как и погоня.

С пистолетом в руке я осторожно подошел к машине, открыл дверь в надежде увидеть ключ в замке зажигания. Но его не было, поэтому мне пришлось вернуться к трупам мужчины. Я склонился над ним, аккуратно исследовал карманы куртки, нащупал и вынул ключ, вернулся к автомобилю.

Только взялся за дверную ручку, как откуда-то из прибрежных кустов вышла плотного сложения девушка лет двадцати. Быстрая, порывистая, энергичная, и охотничий дробовик в ее руках органично сочетался с сильными на вид руками.

Я мог бы подумать, что это убийца вернулся к месту преступления. Но ведь ясно же, что мужчина, женщина и ребенок были убиты не из охотничьего ружья. Во-первых, если бы стреляли жаканом, пулевые отверстия были бы крупней. А во-вторых, ружье стреляет громко, и я бы услышал грохот выстрела. А ведь я даже не догадывался, что происходило за холмом, хотя и находился в каких-то двух-трех километрах от него. Значит, преступник убивал бесшумно.

Отличие от меня девушка и не думала анализировать обстановку. Она заметила и трупы, и пистолет у меня в руке; этого ей вполне хватило, чтобы спустить на меня собак.

– Стой, сволочь! – вскидывая ружье, истошно крикнула она.

Я мог бы остановиться, но девушка все равно бы выстрелила. Судя по искаженному злостью лицу, она не контролировала себя. Я ее понимал, но в угоду ее чувствам умирать не собирался. В ответ стрелять – тем более. Водительская дверца открыта, ключ в руке...

Я запрыгнул в машину, но голову поднимать не стал. И правильно сделал. Под грохот выстрела в боковое стекло угодил плотный картечный ступок, прошел надо мной и выбил окно с другой стороны. Ни одна дробица не задела меня, только квадратики разбитого стекла осыпали с головы до ног.

Второй выстрел оказался менее метким, чем первый. Картечь визгливо скребнула по крыше машины и разлетелась в никуда. К этому времени я уже завел мотор и глубже забрался в салон «Опеля». Не поднимая головы, изловчился выжать сцепление и включить первую скорость.

Очередной выстрел отправил картечь вслед отъезжающему автомобилю, пронес ее вдоль салона, правее от центра, продырявил подголовник пассажирского кресла. Мне везло, и машина стремительно удалялась от места преступления, пока не затерялась в гуще темнохвойного леса.

Я удрал от девушки, оставив после себя дурную славу. Ведь теперь она будет думать, что это я убил ее близких родственников. Ведь погибшие мужчина и женщина могли быть ее родителями, а девочка – ее сестрой. Если так, то как же она сейчас жалеет о том, что не смогла остановить меня метким выстрелом.

Разумеется, после всего случившегося девушка вызовет милицию, затем даст описание моей внешности, возможно, ей хватит информации, чтобы составить мой фоторобот. Она увидела пистолет у меня в руке, и одно это намертво впечатает меня в графу «подозреваемые». Если, конечно, я не смогу оправдаться.

«Опель» с ревом несся по разбитой лесной однопутке, которая к тому же не успела просохнуть после последнего дождя. Сплошная глина – где-то темно-коричневая, где-то рыжая с краснотой, а местами почти белая. Я как мог внимательно всматривался в дорогу, стараясь

не уничтожить свежий след колес, которые оставил уезжающий преступник. А еще этот след помог мне выбрать правильный путь, когда я оказался на развилке двух дорог.

Я шел на большой риск, покидая место происшествия. Но мне нужно было во что бы то ни стало догнать убийцу бедной девочки и ее родителей. На карту поставлена не только моя репутация, но и свобода, поэтому я вынужден был гнать коней. На одном из поворотов меня занесло, и я едва не врезался в придорожную сосну, раскинувшую свои колючие лапы так, будто она собиралась принять меня в свои объятия. Как будто сам леший сидел на ней, притягивая к себе. Но бог миловал, и я благополучно выровнял курс.

За одной развилкой последовала вторая, а третья едва не поставила меня в тупик: на ней заканчивался сухой участок дороги, поэтому следы преследуемой машины просматривались едва-едва. Мне пришлось останавливаться, выходить из автомобиля и внимательно изучать следы, выискивая из них наиболее свежий, со знакомым уже стреловидным узором протектора.

Я ехал по лесу в надежде, что вот-вот нагоню так нужное мне авто. Но вдруг дорога закончилась, деревья стремительно расступились, и я оказался на хорошо укатанном гравийном проселке, который вынес меня к шумному шоссе. Я до боли напрягал глаза, пытаюсь обнаружить след уехавшей машины, и, как мне показалось, нашел его – знакомый узор смутно тянулся по гравийке, выходил к центру перекрестка, но терялся, не доходя до шоссе. Но замечателен был сам факт, что преступник выезжал на центр второстепенной дороги. Значит, он повернул налево, в сторону города.

Впрочем, я мог ошибаться, взяв не тот след. Ну а если я угадал направление погони, что с того? Я не знал марки автомобиля, на котором ушел убийца, мог только предполагать, что это был внедорожник иностранного производства. А может, и отечественного. А возможно, вездеходом здесь и не пахло. Бывают же широкие шины на обычных машинах с низким клиренсом...

Мне бы повернуть назад, вернуться на место преступления, объясниться с девушкой, подождать оперативно-следственную группу. Но упрямство – отличительная черта моего характера, сколько раз оно заставляло меня балансировать на тонкой грани между жизнью и смертью. И сейчас оно вело меня в неизвестность, которая могла закончиться опасным тупиком. И преступника упущу, и шанс оправдаться тоже...

Я мчался по шоссе на скорости сто километров в час и не жалел о том, что не в состоянии выжать из старого двигателя больший показатель. Потому что не знал, куда и зачем еду. С тем же успехом я мог сейчас гнаться за мифической птицей счастья, чтобы схватить ее за хвост.

Но хвостом мне махнул гаишник, выскочивший вдруг из-за вереницы прижавшихся к обочине автомобилей. Верней, махнул мне жезлом, призывая остановиться. Радар в его левой руке осчастливил меня мыслью о нарушении скоростного режима. Но мне грозила большая неприятность, потому что я не имел документов на машину. Впрочем, служебное удостоверение при мне, а уголовный розыск у гаишников пока что еще в почете: может, и пронесет.

Я сбавил скорость, примерился к свободному пространству между тремя остановленными машинами и гаишной «десяткой», собираясь его занять. Но мысль о том, какой богатый урожай соберут инспектора, оборвалась, когда я всерьез обратил внимание на стоящую позади машину. Это был изрядно подержанный «Форд Мэверик». Он тронулся с места в тот момент, когда я поставил рычаг переключения скоростей в нейтральное положение. Внедорожник проезжал мимо меня, и я не мог не заметить белую с желтизной глину на его колесах. Именно в такой цвет был окрашен небольшой участок лесной дороги, по которой я гнался за преступником.

Окна в машине тонированные, но все же я смог разглядеть, что в салоне находится только водитель, остальное пространство пустовало. Но ведь и одному человеку вполне по силам справиться с мирной семьей...

Гаишник неспешно подходил ко мне. Старался изображать беспристрастность на лице, но глазенки светятся, как у рыбака, поймавшего небольшого карасика. Сто-двести рублей для него, может, и не деньги, но в совокупности выйдет неплохой улов – и начальство останется довольным, и жена похвалит.

Но когда я сорвал свой «Опель» с места, сытый блеск в его глаза сменился растерянностью, а затем и откровенной злостью. Всплеск сильных эмоций заставил его выбросить вперед руку, он ударил жезлом по крышке багажника. По сути, был причинен материальный ущерб владельцу автомобиля, но это гаишника не остановило. Я заметил, как он побежал к своей «десятке», чтобы преследовать меня. Только этого мне сейчас и не хватало.

«Опель» разогнался достаточно быстро, и очень скоро стрелка спидометра перевалила за отметку «сто километров в час». Я до самого дна утопил педаль акселератора, пытаюсь сократить дистанцию до «Форда», но, увы, древний двигатель не мог мне ничем помочь.

Не скажу, что преследуемый внедорожник намного превосходил меня в скорости, но все же он удалялся – с каждой минутой, мало-помалу. Зато я сам очень скоро стал жертвой своих преследователей. «Десятка» легко нагнала меня, но пока шла сбоку, не пытаюсь обойти. Оскорбленный в лучших чувствах гаишник по громкоговорителю требовал остановиться, грозился применить оружие, а я с тоской смотрел, как увеличивается разрыв между мной и «Фордом».

Но даже в замороженную голову может прийти разумная мысль. Я решил остановиться, чтобы попробовать объясниться с настырным экипажем дорожно-постовой службы. Все равно ведь на этом древнем «Опеле» я не смогу нагнать предполагаемого преступника, а так хоть появится возможность пересечь в гаишную «десятку». Если смогу в двух-трех словах обосновать злободневность своего поведения, возможно, еще успею заскочить на подножку уходящего поезда...

Но «поезд» вдруг остановился сам по себе. Из постыдного для себя далека я увидел, как «Форд» свернул с шоссе на придорожный пяточок, занятый автозаправочной станцией с ярким красно-белым баннером. Правда, в это же время экипаж ДПС решил форсировать гонку и попытался обойти меня, подрезав путь. Но что-то у гаишников не заладилось, подрезной зазор оказался больше, чем нужно, и я смог взять вправо, выехав на встречную полосу. Мне повезло увернуться от надвигающегося «КамАЗа», еще и скорость сохранить. Зато мои преследователи потеряли ход и смогли нагнать меня только на заправке, куда я свернул вслед за предполагаемым преступником.

«Форд» уже стоял у бензоколонки, а водитель стремительным пружинящим шагом направлялся к зданию заправки. Ему явно не понравился вой милицейской сигнализации, а также мой запыхавшийся вид, с которым я выходил из машины. Я не смотрел ему в глаза и вообще старался делать вид, будто меня интересует только собственная шкура, на которую посягали гаишники.

Но скуластый парень с курчавой головой разволновался, глядя на меня. Я шел в его сторону, но как будто мимо него, с тем, чтобы в последний момент изменить курс и атаковать его с предельно близкого расстояния. Но подозреваемый шарахнулся в сторону, решив уклониться от возможного контакта со мной. К тому же он закруглял направление своего движения так, что через пять-шесть секунд мог оказаться в своей машине.

Возможно, он еще мог серьезно уйти в отрыв на остатках бензина.

Мне ничего не оставалось, как взять поправку на его маневр и стремительно пойти на сближение с ним. И он мог уйти, и сзади подпирали гаишники, один из которых ором требовал остановиться, а другой угрожал мне автоматом.

– Брат, спасай! – в мольбе протянул я руки к испуганному парню. – Менты на хвосте!

Я не изображал жертву милицейского произвола, фактически я сейчас ею являлся. Но парень не поверил мне и на всякий случай ускорил шаг.

– Да постой ты!

Я погнался за ним, но парень выхватил вдруг из-под полы куртки пистолет. Глушителя на нем не было, но, разумеется, стрелять он мог и без него.

– Правильно, брат, мочи ментов! – дрогнувшим голосом подбодрил его я.

Но парень выстрелил в меня. И если бы я вовремя не отскочил в сторону, результат мог быть плачевным. А я не просто взял вправо, я еще и провалился вниз, с кувырком через плечо. И этот нехитрый, в общем-то, маневр спас меня от второй пули.

Третьего выстрела не последовало. Парень запрыгнул в свою машину и, не захлопывая за собой дверь, с места взял в карьер. А вокруг встревоженно суетились автомобилисты; пузатый мужик в зеленой спецовке, бросив заправочный пистолет, в панике бежал к туалету – зачем, можно было только догадываться. Но больше всего меня волновали гаишники, к счастью, так и не решившие применять против меня оружие.

– Стоять, уголовный розыск! – заорал я, обращаясь скорее к ним, а не к убегающему преступнику. – Капитан Петрович! Открываю огонь на поражение!

Одной рукой я показал гаишникам, что сдаюсь, а другой выдернул из кобуры пистолет.

– Он троих убил! – крикнул я.

И побежал вслед за джипом, который стремительно набирал скорость. Растерянные гаишники стояли так, будто в их штанах было мокро. Какими глазами они смотрели на «Форд», я не видел, потому что находился спиной к ним. Но точно знал, что к своей «десятке» они не побежали. И огнем они меня наверняка не поддержат, хотя автомат сейчас бы ох как не помешал.

Преступник уже на ходу, он встревожен, и гнаться за ним бесполезно, тем более на мало-сильной тяге дряхлого двигателя. Да и «десятка» не самый лучший вариант для погони, особенно с той форой, которую смог отвоевать курчавый. Словом, я не видел иного варианта, кроме как открыть огонь. И лучше всего по колесам.

Однажды, в прошлом году, мне выпало стрелять по «Хаммеру». Метил по колесам, цель поразил, но вместе с тем ранил и бандита, находившегося в машине. И расстояние до джипа тогда было ненамного меньше, чем сейчас. К тому же случилось это ночью и в городе...

И сейчас я надеялся на успех. Стукнувшись коленкой об асфальт, взял пистолет на вытянутые руки, прицелился...

Пистолет грохотал, сотрясаясь в отдаче, гильзы одна за другой отлетали в сторону, звонко падая на землю. Но «Форд», не сбавляя скорости, упрямо мчался по выездной дороге. Вот-вот он выедет на шоссе и скроется в автомобильном потоке...

Джип действительно выехал на трассу, но не притормозил, чтобы уступить дорогу трейлеру с длинным фургоном. И обе машины на больших скоростях...

Впрочем, в этой ситуации большее значение имела скорость трейлера, потому что таранящий вектор был за ним. Машина сигналила, сбавляя ход, но в бок «Форду» врезалась тяжело, с катастрофической мощностью. Звуки клаксона, скрип тормозов, колыхнувшийся над дорогой гул, с которым столкнулись автомобили. Грузовик, точно бульдозер, со скрежетом протащил искореженный внедорожник, снес к обочине, ударил о дорожный знак, который не смог стать серьезным препятствием, столкнул в канаву.

За этой картиной я наблюдал на бегу. Трейлер смял джип с водительской стороны, но я надеялся, что преступник смог выжить.

Первым возле «Форда» оказался водитель грузовика. Но толку от него никакого, потому что на обочине находилась лишь его телесная оболочка, к тому же шаткая и дрожащая от страха. А сознание, видимо, осталось в кабине машины, за рулем. Глаза у парня осоловелые, взгляд блуждающий, лицо белое, и только уши красные, как у снегирей грудки на фоне заснеженной крыши. Он был потрясен произошедшим и бестолково смотрел, как я, прогоняя, машу ему рукой.

Пользы от моих жестов никакой. Будь парень сейчас в здравом уме, он все равно не понял бы, что за опасность угрожает ему со стороны водителя сокрушенной машины. Но я-то знал, что преступник мог выжить и взяться за оружие.

Но нет, опасения мои оказались напрасными. Удар при столкновении двух машин оказался столь сильным, что пострадавшего намертво зажало между рулевым колесом и водительским креслом, сильно смещенным вправо и вперед. Лицо в крови, грудная клетка сплющена, рука сломана так, что из порванного рукава торчит заостренный обломок лучевой кости. Я с трудом дотянулся до изрезанной шеи, попробовал нащупать пульс, но, увы, преступник ушел от возмездия, сбежал от меня в мир иной.

Глава 2

Я стоял у окна и курил, глядя на пышную воробыху, в одиночестве притихшую на ветке зеленеющего тополя. Подобрал под себя лапки, она сидела, как наседка на яйцах, резкими короткими движениями головы осматриваясь по сторонам. Спокойно все, но вот откуда-то с высоты на бедняжку свалился нахохленный воробей, на мгновение завис над ней на веерно распахнутых крыльях, сел рядом на ветку. Опустив крылья, робко глянул на нее, но тут же возбуждился снова, с вздорным чириканьем заскакал вокруг нее.

Воробыха недолго терпела эти жениховские ужимки. Смотрела, смотрела, а потом вдруг вскочила, клювом вцепилась воробью в гриву, и оба вместе с высоты второго этажа свалились на землю, в падении гулко стукнувшись о водосточную трубу. Воробей опрокинулся на спинку, а самка села на него и яростно трепала его, пока он, ошалевший от такой любви, не вырвался и не упорхнул.

Самка вернулась на место, но не успела сложить крылья, как на нее свалилась уже пара воробьев, среди которых, как мне показалось, я узнал поверженного неудачника. Один налетел на нее спереди, другой сзади, беззастенчиво ущипнув ее за хвост. Признаться, меня удивило столь возмутительное безобразие. Где галантность, где учтивые манеры? Воробьи вели себя как хулиганы, насильники. Кричали как оголтелые, сщипывали с несчастной самки пух и даже перья. Но вот они столкнулись меж собой, сцепились и молча рухнули вниз. Драка продолжилась на земле, ни писка, ни гвалта, только слышно было, как хлопают крылья и царапают об асфальт птичьи коготки.

Драка была недолгой. Победителем из нее вышел тот самый воробей, чье сватовство закончилось неудачей. Окрыленный успехом, он попытался продолжить знакомство, но воробыха снова набросилась на него. Правда, уже не так яростно. Сцепившись в клубок, они стали падать вниз, но на землю не свалились, разлетелись – сначала в стороны, а затем, сбившись в пару, вместе скрылись из виду.

Вот так, сначала опозорился воробей, затем сыграл на фанфарах и на правах победителя увел самку. А может, и не позор это был вовсе, что под воробыхой побывал? Должен же мужчина уступать женщине... Но зачем он тогда выщипывал ей перья в паре с таким же охломоном?..

Из раздумья меня вывел шум за спиной. Обернувшись, я увидел входящего в кабинет полковника Гнутьева, начальника нашего РОВД.

– Все куришь, Петрович, – с конфузливой какой-то укоризной сказал он, пропуская вперед худощавого, щеголеватого офицера в ладно пошитой милицейской форме.

Я узнал этого человека. Подполковник Хворостов, начальник отдела кадров Черногайского ГУВД, хищная акула с добрыми глазами. Не нравился он мне, но сейчас мои губы сами по себе стали растягиваться в радушную улыбку. Предчувствие подсказывало, что в дорогой кожаной папке Хворостова находится подписанный приказ о моем назначении на должность начальника отдела уголовного розыска.

На мысль о грядущем торжестве наводило и то, что Гнутьев занял место за приставным столом, а Хворостов сел в начальственное кресло.

– Ну, чего стоишь, капитан? – добродушно посмотрел на меня подполковник и движением руки показал на свободное кресло напротив Гнутьева. – Присаживайся, в ногах правды нет.

– Да нет, я лучше постою, – мотнул я головой, с трудом сдерживая наползающую на губы праздничную улыбку.

– Да нет, лучше присядь, – не глядя мне в глаза, сказал Гнутьев.

– Ну, ладно, – пожав плечами, я выдвинул из-за стола деревянный стул с облупленными ножками, сел.

– Как здоровье, капитан? – пристально посмотрел на меня Хворостов.

– Спасибо, хорошо. – Я настороженно глянул на него. – А что?

– Столько ранений за последних два года. Что там у тебя?.. – начальник отдела кадров открыл свою папку, заглянул в записи. – Проникающее ранение в грудную клетку, ранение в ногу, повреждена икроножная мышца. Так, это две тысячи седьмой год. Две тысячи восьмой – опять нога, и левое плечо...

В позапрошлом году в подъезде высотного дома я нос к носу столкнулся с двумя вооруженными уголовниками. На опасность я среагировал, выхватил пистолет, смертельно ранил одного, а другой прострелил мне ногу. Чуть позже в далекой тунгусской тайге меня ранили в грудь, пробили легкое. Ничего, в госпитале меня поставили на ноги.

А в прошлом году, в подземельях Семипалатинского полигона, я схлопотал сразу две пули. Далеко меня тогда занесло, но, к счастью, вынесло. Прошел курс лечения, вернулся в строй. Какие могут быть претензии?

– Ну и что? На службе это никак не отражается, – обеспокоенно сказал я.

Не нравился мне этот разговор ох как не нравился. Что-то плетет Хворостов, заплетает.

– Не отражается, – подтвердил Гнутьев. – На прошлой неделе капитан Петрович задержал особо опасного преступника.

– Задержал? – изображая удивление, повел бровью подполковник. – А я слышал, преступник погиб при задержании.

– Но ведь задержание проводилось, – хмуро, исподлобья глянул на него начальник РОВД.

– Вопрос, как? Капитан Петрович открыл стрельбу на заправочной станции. А ведь у него тогда не было уверенности в том, что задержать он пытался именно того человека, который был ему нужен.

Я сердито смотрел на Хворостова. Создавалось такое ощущение, будто он клонит к моему служебному несоответствию. Непроста все это, и я уже догадывался, какой подвох в этом зарыт.

– Во-первых, этот человек первый открыл стрельбу, – Гнутьев заступался за меня, но по-прежнему не хотел встречаться со мной взглядом. – Во-вторых, капитан Петрович стрелял по колесам. А в-третьих, погибший действительно мог совершить тройное убийство...

– Мог, но не факт, что убивал он, – как-то вяло попытался опровергнуть его Хворостов.

Эксперты-трассологи по следам колес убедительно доказали, что преследуемый мною «Форд» незадолго до аварии побывал на месте преступления. Об этом же говорил и химический анализ глины, снятой с покрышек автомобиля. А вот баллистическая экспертиза сказала твердое «нет». Пистолет, из которого преступник стрелял в меня, орудием убийства не являлся. Мать, отца и дочь застрелили из пистолета системы «ТТ», но это оружие найти не удалось. Скорее всего, преступник избавился от него по дороге, а против меня применил запасной, страховочный вариант.

– Убивал профессионал, – выдержав паузу, с утверждающей тяжестью в каждом слове сказал Гнутьев. – Убийство явно заказное, с применением бесшумного оружия, основного и контрольного выстрела... И человек, которого пытался задержать капитан Петрович, производит впечатление профессионала.

Полковник не стал вдаваться в подробности, но я-то их знал. Во-первых, стрелявший в меня парень не имел при себе никаких документов. Даже мобильный телефон отсутствовал, возможно, потому, что современная техника обнаружения могла засечь его по идущему от него радиосигналу. Во-вторых, он пользовался краденым автомобилем. На машине стояла защита от угона, но преступник взломал ее достаточно грамотно. В-третьих, данных о нем не обнаружилось ни в информационно-поисковых, ни в дактилоскопических картотеках. Иначе

говоря, в розыске он не числился, отпечатки пальцев с него никогда не снимали. И по оперативно-справочной базе пробить его не представлялось возможным, поскольку мы не знали его имя и фамилию. Работа велась, личность покойного устанавливалась, но пока ничего не ясно. Откуда взялся этот киллер, зачем положил целую семью? Вопросы продолжали оставаться вопросами... Впрочем, наш отдел этой работой занимался постольку, поскольку я участвовал в задержании предполагаемого преступника. А основную нагрузку взял на себя РОВД района, на территории которого было совершено убийство. Ну и РУБОП, само собой, отдел по раскрытию заказных убийств.

– И этот профессионал стрелял в нашего Петровича, – отчеканил Гнутьев. – И, между прочим, это могло закончиться летальным исходом.

– Но ведь не закончилось, – обескураженно парировал Хворостов.

– Не пойму, к чему вы клоните, товарищ подполковник, – хмуро и в упор посмотрел на него я.

– Да к тому, что хорошо то, что хорошо заканчивается, – опустив глаза, неуверенно и себе под нос улыбнулся начальник отдела кадров. И тряхнув головой, добавил: – Все нормально, капитан. Никто вас ни в чем не обвиняет. И хорошо, что преступника... э-э, задержали... К тому же я погибшую семью немного знал... Немного... Да и не важно это... Важно другое...

Хворостов шумно наполнил воздухом легкие, будто набирался смелости.

– Тридцать шесть лет вам, Иван Петрович, а вы все капитан...

– Но ведь это можно исправить?

Я пытался воодушевить себя, но мне казалось, что делаю я это с пустого места. Как чувствовал, что не будет повода для радости.

– Можно. А зачем?... Вам тридцать шесть лет, товарищ капитан, вы полны сил и желания служить или нет?

– Ну, в общем, да.

– Вот и служите себе, пожалуйста. И не смущайтесь, что, как офицер, вы бесперспективны...

– Роман Евгеньевич! – возмущенно одернул подполковника Гнутьев.

– Как это бесперспективен? – похолодел я.

– Да не берите вы в голову, Иван Петрович, – успокаивая меня, махнул рукой Хворостов. – Нормально все у вас, орден, медали, богатый послужной список... В общем, служите себе на здоровье и ни о чем не думайте.

– Значит, бесперспективен, – заключил я, уронив голову на грудь.

Я чувствовал себя капитаном, в один миг оставшимся без корабля и экипажа. Одна только резиновая лодка подо мной, а вокруг бескрайний океан. Пльви, капитан. Если сможешь... Вот и мне предлагалось то же самое. Служи, Петрович, тяни солдатскую лямку, а парадом командовать будут другие...

– Не все так страшно, – попытался приободрить меня подполковник.

Он был похож на палача, вся доброта которого заключалась в том, что перед тем, как вздернуть жертву на виселице, он позволил ей намылить шею. «Не так больно...»

– Вы, товарищ полковник, тут сами как-нибудь, а я пойду, – сказал он, поднимаясь.

Настоящий кадровик должен быть хорошим психологом, но не знаю, относилось ли это к Хворостову. По тому, как он обращался со мной, я бы не назвал его мастером своего дела. Но судя по тому, что ему хватило ума убраться с моих глаз, кое-что в психологии он все же понимал.

– Вот такая вот, Петрович, ситуация, – сокрушенно развел руками Гнутьев, когда подполковник закрыл за собой дверь.

– Какая такая? – с укоризной посмотрел на него я.

– Ну, тут генералу нашему фитиля вставили, – не глядя на меня, сказал начальник РОВД.

– Из-за меня?

– Да нет, ты-то здесь при чем? С тобой все нормально, ты у нас на хорошем счету, да что там говорить... В общем, в области генерал был, там его в дискриминации обвинили...

Гнутьев потянул паузу в ожидании вопроса, что за дискриминацию развел начальник ГУВД. Но я промолчал. Горький ком стоял в горле, и мне трудно было говорить. Не знаю, к чему подводил меня полковник, но, похоже, должностью начальника уголовного розыска меня решили не обременять.

– А что за дискриминация, спрашивается? – с мелким разочарованием и глубокой печалью посмотрел на меня Гнутьев. – А то, что нет у нас женщин в уголовном розыске... Ну, одна, в общем-то, есть, но рядовой исполнитель, сотрудник оперативно-розыскной части... Почему не спрашиваешь, какой отдел?

– Какой? – механически отреагировал я.

– Отдел по раскрытию имущественных преступлений.

– И что с того? – упавшим голосом спросил я, догадываясь, какой последует ответ.

– А то, что эту барышню решено назначить к нам в РОВД.

– И на руководящую должность, – с тоской в голосе добавил я.

– Вижу, что слушал ты меня, Петрович, внимательно...

– Петрович... Просто Петрович, – саркастически хмыкнул я. – Извини, что перспектив для тебя нет. Но ты просто служи, просто Петрович. Просто башку свою под пули подставляй. А кто-то просто звезды будет за это получать. Просто большие звезды. А ты, просто Петрович, радуйся просто маленьким. Тебе же *всего* лишь тридцать шесть лет, а ты *уже* капитан...

– Все сказал? – с укором, но понимающе посмотрел на меня Гнутьев.

– Я не говорил. Это я думал вслух.

– Но я-то слышал.

– Надеюсь, до старшего лейтенанта не разжалуете.

– И не надейся, – попытался пошутить начальник.

– А жаль, так хоть бы какое-то изменение в звании...

– Вот только плакать не надо. Я тебе не жилетка... И вообще, ничего страшного не случилось. Ты же видишь, как все быстро меняется. Марцев ушел, затем Черепанов, и эта дамочка уйдет. Через годик-другой займешь ее место.

– Марцев на повышение ушел. И Черепанов тоже. Потому что перспективные. А я неперспективный. Хворостов это прямо сказал...

– У Хворостова не все дома, поэтому и сказал.

– Ну да, мысли в голове держать не умеет. А мысль есть. То есть приговор. Нет у тебя перспектив, просто Петрович... Да и не надо, обойдусь как-нибудь. И под капитанскими звездами есть жизнь, – через силу растянул я губы в улыбке.

Вышла какая-то гримаса, но Гнутьеву хватило и этого, чтобы закончить разговор на мажорной для него ноте. Для него, но не для меня... Впрочем, кого интересует мое настроение?

Я чувствовал себя капризным осликом Иа-Иа, но мне почему-то совсем не было за себя стыдно. В конце концов «хвост» я не сам потерял, как в той сказке, его у меня оторвали – такие умники, как наш генерал, страстный борец за права женщин, и Хворостов, зачисливший меня в число бесперспективных офицеров.

– Вот и правильно, вот и молодец, – грузно поднимаясь со своего места, снисходительно похвалил меня полковник.

– Когда кабинет освободить?

– Это ты со своей начальницей договаривайся.

– Она уже назначена?

– Да, и приказ уже подписан...

– Похвальная оперативность. Не зря Хворостов уже подполковник. Лучше бы его начальником к нам назначили, всю бы уголовщину на корню вывел бы...

– Каждый занимается своим делом.

– Да, но кто-то при этом вечный капитан...

– А вот настраивать себя на это не надо, – покачал головой Гнутьев. – Как настроишься, так и пойдет.

– Уже пошел. Куда послали.

Увы, но мне пришлось возвращаться в свой прежний кабинет, который я делил с капитаном Аграновым. Сборы были недолгими – форму из одного шкафа в другой перенести, тревожный чемодан, легкий кевларовый бронезилет с элементами разгрузки, кипятильник, стаканы. Ну, ворох документов – само собой, хотя, если честно, хотелось выбросить их со второго этажа. Оружие всегда при мне, его даже из сейфа вынимать не пришлось... А еще вынес из кабинета ящик водки, который приготовил для того, чтобы обмыть свое назначение на должность, а затем и звание...

Нельзя, значит, было готовить водку заранее для таких случаев. Теперь я точно знал, что это плохая примета. Но вряд ли я смогу воспользоваться этой наукой. Не выдвинут меня больше на должность начальника уголовного розыска, потому что бесперспективный.

Вот у Вадима Агранова перспектива была, ему всего двадцать шесть, а уже капитан, такой же старший опер, как и я. Вот кого на место новоявленной начальницы назначат, когда ее отправят на повышение. Так что мне нужно морально готовить себя к этому... Мой дух пребывал в таком состоянии, что я мог бы наговорить лишнего. Но, к счастью, Агранов отдыхал сейчас после дежурства, и я имел возможность обтекать и пахнуть в одиночестве.

Обидно было до слез, а я совсем не хотел казаться слабым, раскисшим. Поэтому, прежде чем совершить марш-бросок из одного кабинета в другой, через приоткрытую дверь я вслушивался, что происходит в коридоре. И если там никого не было, делал переход. Чтобы не встречаться с сослуживцами. Тем, кто не знает, придется объяснять, почему переезжаю, а кто в курсе, будет или сочувствовать, или злорадствовать.

Тайком перебравшись в свой кабинет, я закрылся на ключ изнутри. Ничего не знаю, никого не вижу и ни о чем не думаю. Нет меня, накрылся медным тазом вместе с перспективой стать начальником отдела. Не достоин капитан Петрович возглавлять уголовный розыск районного масштаба: ни на что не способен. А раз так, то какая в том беда, если вдруг он исчезнет? Если вдруг что-то случится, всегда есть молодые и перспективные. Вот они пусть и дерзают, а старые и никчемные будут пить водку. Может, начальство и не приветствует это дело, но что нам, бесперспективным, терять, кроме своих цепей?

Я наполнил стограммовую стопку, залпом выпил, зажевав емкую горечь щепоткой сухого чая. Закурил.

А, собственно, зачем нужны мне цепи? То нельзя, это неправильно, туда не ходи, здесь подвинься... Насколько много запретов, настолько же мало прав. Но не в этом беда. Дело в том, что на одной цепи меня держал закон, а за другую притягивала к себе смерть. Сколько раз она разевала на меня пасть, обдавала трупным зловонием, столько же раз моя жизнь висела на волоске. На мне живого места нет – на одной ноге рубец от пулевого ранения, на другой два, в груди такая же латка, плечо изуродовано выстрелом из автомата, в боку памятная метка от встречи с бандитским ножом, вся голова в шрамах – и кастетом по ней били, и арматурным прутком ее проламывали, и бейсбольной битой на прочность проверяли. А еще на прошлой неделе в меня стреляли, почти в упор. Это хорошо, что я уже привык от смерти увертываться, поэтому и уцелел. А может, Костлявая со мной в кошки-мышки играет? Раз на потеху из своих объятий выпустит, другой, а потом возьмет и перекусит поперек...

Я снова выпил.

Спрашивается, зачем я должен рисковать своей жизнью, ради чего? Только за два года я раскрыл два громких дела федерального уровня. Кто-то за это звезду на погоны получил, мне же достались только пули, плюс к тому существенная доза радиации. Хотя нет, еще ярлык «неперспективный» пришили... Вот она – благодарность, столько радости от нее, что кулаки сжимаются, до хруста в костяшках...

Да, мне уже тридцать шесть. Но стар я только для успешной карьеры, а для жизни же вовсе нет. Я еще свежий, бодрый... Женщины, правда, меня уже не жалуют, но ведь я сам в этом виноват: загрустил, захандрил. Еще и раны давали о себе знать – и душевные, и телесные... Но ничего, я обязательно встряхнусь. На курорт съезжу, отдохну, сил наберусь. А потом уволюсь из органов к чертовой матери!..

Очередная стопка согрела душу и окончательно взбудрила мысли.

Да, уволюсь, продам квартиру в городе, вернусь в родную деревню, куплю там дом, пару-тройку гектаров земли, трактор, буду работать хоть и в поте лица, но в свое удовольствие. Личное хозяйство заведу – корову, свиную, жену... Или жену в первую очередь?..

Да, сначала я заведу жену, а потом все остальное. Тем более есть у меня на примете одна девушка. Анька Митрохина, соседская девчонка, ядреная, кровь с молоком. Четыре года назад она откровенно со мной заигрывала, но тогда она еще совсем юной была, да и я всерьез ее не воспринимал. А потом она в город подалась; что-то не заладилось у нее там; этой зимой, говорят, домой вернулась. И я вслед за ней в родные края подамся. Оба новую жизнь начнем, под одной крышей. И она будет довольна, и мне, как говорится, не скучать...

А как же пенсия? Мне до малой выслуги всего два года осталось... Всего два года. Надо бы дослужить... Ну, а если невольно?.. Что делать, если я не хочу здесь оставаться?

Но ведь можно написать рапорт, пусть меня переведут на должность участкового в родную сельскую местность. Неплохой, кстати, финал для бесперспективного капитана. Заодно и должность старшего оперуполномоченного освобожу. Старшего! Для кого-нибудь молодого и раннего. А то Хворостов, наверное, локти себе кусает, что я официально столь высокую должность занимаю...

Да, завтра же напишу рапорт – и пошли все к черту... Нет, к черту пусть все идут уже сегодня. А я пойду домой... Время, правда, только половина пятого. Ну и что мне сделают? Выговор объявят? Да пожалуйста!

Набросив легкую джинсовую куртку, чтобы скрыть «сброю» с оружием в кобуре, я направился к двери. Сколько времени я разговаривал с бутылкой, и никто меня ни разу не потревожил. И это хорошо, что капитан Петрович никому не нужен. И еще лучше, если меня никто не остановит...

Но только я открыл дверь, как нос к носу столкнулся с капитаном Лопаткиным. Мне тридцать шесть лет, ему – двадцать семь, и я капитан, и он. Ну да ладно...

– Ты здесь? – обрадовался он. – А то я спрашиваю, а никто не знает, где ты...

Он обращался ко мне на «ты», как к равному. А ведь я пока еще числюсь «врио» начальника отдела. Пока... Но не Лопаткин в том виноват, а я сам. Что заслужил, то и получаю.

– И дальше что? – дыхнув на него перегаром, спросил я.

– Уф! Ты что, употребил?

Меня тошнило от американских улыбок, когда человек испытывает неприязнь, но при этом пытается изобразить нечто вроде радости. Или брови поднимет – дескать, ничего такого. Или указательный палец на тебя направит – ты хоть и негодник, но я все прощу... Пальцами в меня Лопаткин тыкать не стал, но глазами в сторону повел, закатил их. Мол, мажорный ты чувак, Петрович, весело с тобой, но лучше без тебя. И еще ладошкой перед носом у себя помахал. Не нравится ему запах...

– А ты что, вообще не пьешь?

– Ну, я время знаю.

– Молодец. За мной флажок для послушного мальчика... Чего тебе?

– Так это, ехать надо. Труп на Каланчевской улице. Из оперов никого, а ты вроде как начальник...

– Вроде, – удрученно хмыкнул я.

Лопаткин уже в курсе, что меня сместили с должности. А знает он, знает и свинья...

– А Кузема где?

Я подошел к двери, за которой находился кабинет оперуполномоченных. Старший лейтенант Кузема точно должен был быть на месте, отчет у него, пока не разберется с ним, домой не уйдет... Но закрыта дверь, тишина за ней. Нет Куземы. Ну да, начальника нет, не у кого спрашивать разрешения, чтобы уйти. Я нынче пустое место...

– Ну и хрен с тобой, Кузема! – охально стукнув ногой в дверь, махнул рукой я.

– Петрович, ты чего? – возмущенно прозвучал властный окрик.

Из глубин гулкого коридора к нам выходил начальник криминальной милиции, которому подчинялся уголовный розыск. Майор Мережик, тридцати двух лет от роду, «подполковника» вот-вот должны присвоить. Перспективный офицер. В отличие от некоторых...

– Ничего... Ничего и ничто, – скривил я губы. – Так, мимо проходил...

– А запах? – приняв хавшись, спросил Мережик.

В отличие от Лопаткина он не улыбался на американский манер, но и брови гневно хмурить не стал, как это у него хорошо получалось.

– Новую должность обмывал, – огрызнулся я.

– Ну-ну... Там у нас убийство на Каланчевке, ехать надо. Как насчет проветриться?

«Для этого есть новый начальник отдела», – мысленно ответил я. Но вслух сказал:

– Не знаю. – И неопределенно пожал плечами.

– Дело серьезное, там удавкой, говорят, поработали, – сказал Лопаткин. – Машина к выезду готова, ехать надо...

– Вот видишь, Петрович, удавка, говорят.

Если удавка, то это кто-то из уголовников поработал. Вдруг выйду на след убийцы, вдруг нарвусь на нож или пулю. Оно мне нужно?.. Возражал я начальнику очень эмоционально, но все так же мысленно.

– Надо бы глянуть.

– Вот и я говорю, кого как не тебя посылать, – снисходительно усмехнулся Мережик. – Ты у нас самый опытный.

– Ага, и самый лысый, – недовольно буркнул я.

– Так оно и есть, – кивнул начальник.

Не знаю, понял он мою иронию или нет. Если понял, то в его словах была заключена издевка, и неважно, что я сам спровоцировал его... И голова у меня лысая, и сам я такой же, потому что простой как валенок. И все, кому не лень, этим пользуются. Еще и насмеются в душе... А не пошли бы все в какое-нибудь созвездие...

Но пошел я сам. В микроавтобус оперативно-следственной группы, в подчинение к капитану Лопаткину. И за всю дорогу слова не обронил. Дулся как мышь на крупу, но молчал.

Глава 3

Женщина лежала на животе, уткнувшись лицом в подушку, руки раскинуты в стороны, ноги чуть согнуты в коленях. Одеяло отброшено в сторону, окоченелая плоть полностью обнажена, на шее очень четко просматривалась глубоко врезавшаяся в кожу трансгуляционная борозда. Трупные пятна на полных бедрах, крупных ягодицах, жирных боках, меж лопатками... Заметил я пятно и на пояснице, более темное, глубокое, с четким контуром. Возможно, это был кровоподтек от удара.

В комнате было тепло, все окна закрыты, и трупный запах явственно наполнял пространство. Лопыткин морщился, но от мертвого тела не отходил, что-то высматривал, записывал.

Я тоже склонился над покойницей, пальцем ткнул в трупное пятно на жирной пояснице, в нижней ее части, насколько позволяло положение тела.

Что такое трупное пятно? После смерти человека кровь в его тканях останавливается, а со временем сила тяжести сгоняет ее в сгустки, которые затем начинают просвечивать через кожу. Пока кровь еще жидкая, она может перемещаться по капиллярам, и если надавить на трупное пятно, оно может полностью исчезнуть.

Но в моем случае оно лишь слегка побледнело. Это значило, что сосуды уже потеряли свою непроницаемость, и свернувшаяся в них кровь смешалась с другими физиологическими жидкостями в организме. Можно сказать, что наступила стадия диффузии, а если перевести на более понятный язык, то смерть наступила более двенадцати часов назад. Чтобы выяснить, насколько именно больше, нужно было менять положение тела, засекал по секундомеру время, надавливая на пятно динамометром. Но этим пусть занимается судмедэксперт, а он уже на месте, чемоданчик свой открывает. Мешать ему я не буду. Разве что на халатик гляну, что на стуле лежит.

Шелковый халат, с золотисто-медным отливом, с узорным рисунком. И лежал он как-то странно, сложенный на армейский манер. Так я укладывал на табурет свою солдатскую куртку, когда служил срочную. Сводятся вместе полы, рукава заносятся назад, куртка складывается вдвое погонями к проходу. Если приловчиться, то такую укладку можно проводить в две-три секунды, да так, чтобы ни единой складочки.

Халат не куртка, и шелк в отличие от солдатского «хэбэ» имеет свойство расползаться. И все равно халатик был уложен очень аккуратно, и даже не вдвое, а, похоже, втрое, хотя, казалось бы, легче всего было бы перекинуть его через спинку стула. Женщина бы так, наверное, и поступила...

Я представил, как хозяйка квартиры после душа заходит в свою комнату, обнажаясь догола, скидывает халат, небрежно бросает его на спинку стула, ложится в постель... Возможно, там ее ждал мужчина. Тогда бы она точно не стала складывать халат втрое, да еще и так аккуратно...

Под стулом, на глянце паркета я заметил перламутровую пуговицу. Поднимать я ее не стал, предоставив эту честь экспертам. Но халатик все же рискнул обследовать и обнаружил, что там как раз не хватает пуговицы. И она не просто оборвалась, а была, что называется, вырвана с мясом... Или кто-то силой раздевал женщину, или она сама так спешила обнажиться, что дернула за полы халата. В любом случае одежду просто бы швырнули на пол, ну, максимум перебросили через стул, на спинке которого он бы и упокоился...

С появлением эксперта-криминалиста я вышел из спальни. Слишком уж много здесь народа, да и покурить охота. Я зашел на кухню, но вовремя спохватился. Здесь не место для перекура: можно уничтожить следы, возможно, оставленные преступником...

А следов здесь могло и не быть. Дорогой гарнитур, импортная техника, подвесной потолок, импровизированная барная стойка. Стол из натурального дерева, креслообразные стулья

с резными спинками. И стерильная чистота. На столе только салфетница и солонка, ни единой крошки, и лакированная поверхность блестит, как будто ее только что отполировали. Такой же порядок и на барной стойке.

Курить хотелось все сильнее и, не удержавшись от соблазна, я вышел на лестничную площадку, где уже стоял участковый, ушастый лейтенант с ранними залысинами.

– Ты сигнал проверял? – достав из кармана пачку сигарет, спросил я.

– Да, мне позвонили, я пришел.

– А труп кто обнаружил?

– Ну, мать покойной. Она ей весь день звонила, а та не отзывалась. Пришла, своим ключом дверь открыла, смотрит, дочка мертвая лежит... Ее на «Скорой» увезли, плохо стало...

– Значит, весь день не отзывалась.

– Ночью ее задушили, – сказал неожиданно появившийся Лопаткин.

Он жадно вдыхал относительно чистый воздух. Парень явно был рад тому, что хотя бы на время вырвался из темноты комфортной, но дурнопахнущей квартиры. И в глазах легкое опьянение, как это бывает с людьми, нанюхавшимися трупных ядов.

– Понятно, что ночью, – без должного энтузиазма выразил я свое согласие.

– Да, да, задушили, – закивал участковый. – Я сразу это понял...

– Да, только удавки нигде нет, – равнодушно отозвался я.

Мне бы сейчас еще два раза по сто принять, расслабиться как следует и спать, ни о чем не думая. А тут голову напрягать приходится, непорядок.

– Может, ее пояском от халата задушили, – предположил следователь.

– Ну, если он из металлического тросика сделан, тогда возможно, – покачал я головой. – Борозда для пояса слишком глубокая и тонкая... Тут удавка просматривается...

– Может, струной от гитары?

– Гитары в квартире я не видел.

– Ну, может, убийца ее при себе держал?

– Может, и держал струну, – кивнул я. – Может, и сделал из нее удавку. Но это уже предварительный умысел... Кто-то собирался убить потерпевшую. И кто-то это сделал... Кстати, кто она такая?

– Моносеева Эльвира Васильевна, семьдесят шестого года рождения, работает главным бухгалтером в банке, – отрапортовал участковый.

– Откуда такая информация, лейтенант?

– Ну, я с матерью покойной общался. Пока ей совсем плохо не стало. И «Скорую» ей вызвал...

– Замужем?

– Кто, мать?

– Нет, дочь.

– А-а, да нет... То есть была, а сейчас в разводе... Но с мужем дружит. Он к ней иногда заходит. Ну, там по дому помочь... В постели...

– А вот здесь отмотай назад. И подумай, что ты сейчас сказал. Бывший муж спит с бывшей женой, думаю, такое может быть. Но ты откуда про это знаешь? Что, мать покойной сказала?

– Ну да.

– Что, прямым текстом?

– Ну, она зятя своего, ну, бывшего, прохиндеем считает. Бросил, говорит, дочку, потому что у нее детей быть не могло. Ну, проблема там какая-то по женской части, я вникать не стал. В общем, на другой женился, ребенок там у них. А все равно к Эльвире ходил, потому что кобель, потому что одной женщины мало... Но это еще не все. Родион, говорит, мог ее убить. Из-за квартиры. Сам он с женой и ребенком в однокомнатной ютится, а у Эльвиры трехкомнатная...

– А он права на эту квартиру имеет?

– Чего не знаю, того не знаю.

– А надо бы выяснить. И соседей расспросить, может, этот Родион вчера к бывшей жене заходил. Может, на ночь у нее оставался, – Лопаткин многозначительно смотрел на меня.

Работать со свидетелями предстояло мне. Впрочем, это я знал и без него. Только вот не хотелось ходить по квартирам, вызванивать соседей, выспрашивать, вынюхивать... Пусть этим занимаются молодые и перспективные.

И все же за дело я взялся.

Ближайшей соседкой Эльвиры Моносеевой оказалась миловидная и скрупулезно ухоженная брюнетка лет тридцати. Дверь она открыла сразу, мне даже показалось, что она только и ждала, когда я наведаюсь к ней в гости. Видно, уже знала, что случилось в соседней квартире. Может, изнывала от желания дать показания.

– Здравствуйте, уголовный розыск. Капитан Петрович.

Дверь открылась шире, и на меня пахнуло приятной смесью ароматов лимона, шоколада и амбры. И белозубая улыбка хозяйки показалась мне глотком холодной воды в жаркой пустыне... Только непонятно, чему она радуется? Может, с Эльвирой враждовала? Или я ей понравился?..

– Ксения.

Она подалась назад, распахивая дверь, а мне показалось, будто она сделала реверанс.

Мне даже не понадобилось предъявлять служебное удостоверение: женщина впустила меня в квартиру, поверив на слово. Да и как не поверить, если за моей спиной маячил участковый в форме. Впрочем, он там и остался, а я прошел в квартиру, вернее, на кухню, куда показала мне хозяйка.

Квартира стандартной планировки, двухкомнатная, со скромной претензией на евро-стиль. По пути на кухню через открытую дверь я заглянул в гостиную. Мебель не самая дорогая, но, похоже, новая, и в полном, если так можно сказать, комплекте. Также я заметил беспорядок – диван собран, но покрывало смято, подушка почему-то на полу, на ковре валяются джинсы. Да и в прихожей такой же бардак – какие-то коробки, мотки проводов, створки антресольного шкафа открыты, на дверной ручке висит какая-то сухая тряпка.

Кухня произвела не лучшее впечатление. Мебель неплохая, но стол плохо протерт, в мойке гора грязной посуды, под ногами хлебные крошки, и стекла в окнах невымытые после зимы. Зато здесь очень вкусно пахло кофе. И на хозяйку было приятно посмотреть. Эффектное каре, тонкие черты лица, чувственный макияж, волнующая улыбка. И одета она была не домашнему – полногрудую и широкобедрую фигуру облегал красное платье из тонкой мягкой шерсти, в меру декольтированное, длиной чуть выше колена. Глядя на нее, я невольно замечтался, и, похоже, она заметила это. И лукаво сощурила заблестевшие глазки.

– Я кофе только что сварила, – сказала Ксения грудным, приятно шелестящим голосом. – Угостить?

– Не откажусь, – кивнул я, усаживаясь за стол.

– Можно и с коньяком, – немного подумав, предложила она. – У меня есть немного...

Я смотрел на ее руки – красивые, нежные и без обручального кольца. Неплохой, надо сказать, задел...

– Если только чуть-чуть... А вообще я бы хотел поговорить с вами о вашей соседке.

– Да, конечно, – жалостливо вздохнула Ксения. – Мне очень жаль, что так случилось...

– Что случилось?

– Ну, как что? Эльвиру убили.

– Кто вам об этом сказал?

– Никто... Сама видела... Я из салона возвращалась, смотрю, дверь открыта, милиция, женщина рыдает... Заходить я не стала, но заглянула. Лейтенант посмотрел на меня, соседку

мою, говорит, задушили. Сказал, чтобы я дома сидела, никуда не уходила. Поговорить со мной хочет, но не сейчас... Вот я и жду.

Милицию она ждала, подумал я. Кофе сварила, а порядок хотя бы на кухне навести не догадалась. Видимо, желания не было.

Беспорядок на кухне выдавал в Ксении лишь плохую хозяйку, но никак не преступницу. Ей нечего было скрывать, кроме своей неряшливости. А вот чистота на кухне потерпевшей наводила на иные мысли. Неспроста там чистоту навели, неспроста...

– Ждали участкового, а дождались меня, – насмешливо сказал я.

Брюнетка ответила мне красноречивой улыбкой. Дескать, ты, капитан, тоже ничего... Что ж, я был бы рад убедить ее в этом. Может, мне сегодня повезет, и я окажусь в ее постели. Тогда будет хоть один приятный момент в череде сегодняшних неурядиц.

– Вы с Эльвирой хорошо знакомы?

– Да нет, не очень... Мы с мужем только в прошлом году эту квартиру купили.

– С мужем? – невольно вырвалось у меня.

– А что здесь такого? – с кокетливым, но вместе с тем и уличающим удивлением спросила она.

– Да нет, ничего. – Мне пришлось внутренне поднапрячься, чтобы скрыть смущение.

– Если кольца на руке нет, то это еще ничего не значит.

Если она умела читать чужие мысли, то должна была узнать и о моем отношении к беспорядку в ее квартире. Я ведь не только о кольце подумал, но и о том, что замужняя женщина должна содержать дом в чистоте. Разумеется, эту мысль я развивать не стал.

– Да мне, в общем-то, все равно, – качнул я головой, оградительным жестом выставив ладони.

– Думаете, муж не помеха? – язвительно спросила Ксения.

– Ничего я не думаю.

– Думаете! Я же вижу, как вы на меня смотрите!

В ее голосе звучало возмущение, но при этом она приняла позу, которую занимает модель перед объективом профессиональной фотокамеры. Головка приподнята, плечики жеманно разведены, спинка чуть выгнута назад, рука волнующе оглаживает бедро...

– Чего заслуживаете, так и смотрю, – парировал я.

– И чего же я заслуживаю? – шаловливо улыбнулась она.

– Восхищения.

– Вы интересный мужчина, – комплиментом на комплимент ответила брюнетка. И, выдержав скорбную паузу, добавила: – Но, к сожалению, вам ничего не светит. Я женщина замужняя, и никогда не изменяю своему мужу!

Глядя на нее, я понял, зачем она мне все это говорила. Казалось, Ксения нарочно спровоцировала меня на проявление неких чувств, чтобы ответить мне отказом. Она смотрела в стену за моей спиной, как будто видела в ней свое отражение, любовалась собой. Вот я, мол, какая честная и беспорочная!..

Дура дурой. А что я еще мог про нее сказать?

– А Эльвира?

– Что Эльвира?.. Эльвира моему мужу не изменяла... Вы меня нарочно путаете? – спохватилась брюнетка.

– Я вас не путаю. Просто мне интересно, как Эльвира относилась к вопросам нравственности.

– Ах, это!.. – приложив два пальца к губам, задумалась Ксения. – Ну, я не знаю... Мужа у нее нет, это я знаю точно. То есть он ей уже не муж. Но иногда ходит.

– И зовут его Родион.

– Да, Родион... Кстати говоря, он не в моем вкусе. Маленький, щупленький... Мне крупные мужчины нравятся... Хотя, как говорится, на безрыбье и рак рыба... Но я-то не на безрыбье, – манерно заламывая руки, жеманно и как будто с чувством вины улыбнулась мне женщина.

Признаться, она меня завела. Да еще и хмель в крови бродил. В общем, неудивительно, что я в ее поведении уловил призывный сигнал. Она хотела, чтобы я был настойчивей, жестче. Да, есть муж, и она ему не изменяет, но если я поднажму, то ее крепость может и не устоять, сама, почти что по своей воле упадет к моим ногам.

– Зато я на безрыбье. Информация о Родионе очень нужна, а пока что ничего нет, – поднимаясь со своего места, сказал я. – Вот скажите, Ксения, он вчера приходил к Эльвире?

– Да, приходил, – ответила она, в пикантном, как мне казалось, ожидании глядя на меня.

– Вы точно это знаете?

– Да, я сама ему дверь открывала.

– Кому вы дверь открывали? Родиону?!

– Да, там к нам письмо из налоговой пришло, но в лифте почему-то оказалось. Он его подобрал, нам принес... Ну, я его поблагодарила, конечно...

В последнюю фразу, как мне показалось, женщина вложила намек. Она и меня готова поблагодарить, если я решусь на штурм ее замужних бастионов. Возможно, я ошибался в своих суждениях, но все же обнял ее рукой за талию, привлек к себе.

– Что вы себе позволяете? – не на шутку возмутилась она.

И отскочила от меня как от огня.

Да, я заблуждался. Она вовсе не хотела, чтобы я приставал к ней. И ее гнев не казался мне наигранным.

А тут еще в дверь позвонили. Метнув на меня зловеще-свирепый взгляд, женщина побежала открывать. Я отправился за ней и увидел, как с порога через распахнутую дверь со звонким смехом впрыгнул мальчик лет шести. Вслед за ним в дом вошел грузный полнолицый мужчина в светлом костюме и при галстуке.

– Антон, помнишь, ты говорил, что в милиции одни козлы работают! – обнимая сына, скороговоркой выдала Ксения. И пальцем показала на меня. – Так вот, это правда! Представляешь, он ко мне приставал!

– Вам показалось, – обескураженно мотнул я головой.

– А вот это вы зря! – басом отозвался мужчина.

И, отстранив рукой жену, направился ко мне.

– Только без рук! – с досадой предупредил я.

– А то что?

– Я при исполнении!

– Да? Ну, тогда пошел отсюда! – яростно взревел мужчина и пальцем показал мне на открытую дверь.

Объяснять ему что-либо было бесполезно, да и глупо. К тому же я действительно пытался приставать к его жене. Так что единственным выходом из этой деликатной ситуации был тот, на который мне сейчас показывали. И я бочком, чтобы не задеть револьвера, вышел на лестничную площадку.

– Я еще начальству вашему сообщу! – пригрозил мне хозяин квартиры и громко захлопнул за мной дверь.

Все бы ничего, но на лестничной площадке я столкнулся с Лопаткиным.

– Что там за шум? – спросил он, искоса глядя на меня.

– А когда начальству сообщат, тогда и узнаешь, – огрызнулся я.

– Опять напортачил?

– Опять?! – возмущенно вытаращился я на капитана. – Когда я что-то напортачил?

– Ну, не знаю... – сконфузился Лопаткин. – Просто подумал...

– Что ты подумал? – горячечно наседал я.

– Ну, не зря же тебя с должности сняли.

– Сняли?! Чтобы снять, сначала поставить надо... И вообще, пошел ты знаешь куда?

Это был самый настоящий нервный срыв. Махнув рукой на все, я самовольно отправился домой, но по пути заглянул в бар, где заказал бокал коньяку, затем двойной виски...

Что было потом, я не запомнил. Но утром проснулся у себя дома. Пусть и в одежде, но на своем диване. Голова трещала по швам, во рту – пустыня, орошенная верблюжьей мочой, дышалось тяжело, грудная клетка жалась к позвоночнику, как будто по ней всю ночь топтался слон. Зато кобура с «ПММ» была при мне. И это не могло не радовать. Одно дело – послать всех в дальние края, и совсем другое – самому отравиться туда по приговору суда за утрату оружия.

На всякий случай я достал из пистолета обойму, сосчитал патроны, все двенадцать штук. И еще ствол понюхал, не пахнет ли свежим пороховым дымом. Все нормально. Похоже, я вчера не проказничал. Тихо накачался и на полном автопилоте отправился домой.

Я тоскливо глянул на циферблат своего будильника. Один рисованный гномик в красном колпаке тянулся к большой стрелке, другой – к тонкой и длинной. Четверть восьмого утра. Давно уже пора собираться на службу. Но я, кажется, махнул на нее рукой. Или только кажется?..

Я лег на спину, скрестив на затылке руки, закрыл глаза. Очень хотелось спать, но заснуть я не смог. Чувство вины не давало покоя. И с места преступления самовольно ушел, и набрался до полной анестезии... Может, я имел на это какое-то право, но тяжесть вины давила на меня, лишила сна. Но и на службу я идти не должен. Хотя бы потому, что никому там не нужен. Или нужен, но исключительно в качестве рабсилы и мальчика для битья... Нет уж, хватит с меня! Сегодня никуда не пойду! Пусть начальство осознает всю глубину нанесенного мне оскорбления...

Нет, не пойду я на службу. Но с дивана встану и душ холодный приму, чтобы взбодриться. И побриться бы не мешало. Зубы почистить – само собой... Завтрак? Можно и позавтракать. Что мне стоит пожарить пару яиц? Да и банку с огурчиками вскрыть бы не мешало, хотя бы ради рассола...

После завтрака я снова лег на диван. А что дальше? Спать? А на каком основании?.. Я же не тунеядец, в конце концов. Да и рапорт надо бы написать о переводе...

Я еще ощущал в себе старые хмельные дрожжи, но перед глазами уже не двоилось. Зато сознание раздваивалось, одно полушарие гирей тянуло мою голову к подушке, а другое – столкнуло с дивана, заставило отправиться на службу.

Вадим Агранов был на месте, перебирал бумажки на своем рабочем столе. Пышные брови уныло нависают над веками, широкие ноздри возмущенно вздуваются, нижняя губа капризно вытянута и лежит на подушке подбородка.

– А я думал, ты не придешь, – сказал он, угрюмо кивнув мне в знак приветствия.

– А ты не думай. Зачем напрягаться? Начальство за нас думает, – буркнул я.

И, потянувшись к его столу, взял за горлышко графин с водой, жадно припал к нему.

– Что, вчера пить просит?

– Не просит, а требует...

– Тут нас всех сегодня требовать будут... Сейчас к Мережику пойдем, вызывает. Новое начальство представлять будет... Я, конечно, понимаю, демократия, голубым и розовым зеленый свет, черные – друзья человека. Эмансипация, ля, феминизм, но чтобы баба – начальник уголовного розыска! Молчу и плачу...

– Будем скорбеть вместе, – вздохнул я.

– Да мне-то что. За тебя, Петрович, обидно. Ты же у нас всегда первый, в самое пекло, поперед всяких батек... А эти батьки тебя прокинули? И кого вместо тебя? Фифу какую-то! Ходила там, наверное, по ГУВД, булками крутила да с генералом прислонялась. А потом раз – и в начальники, как будто уголовный розыск – это подиум...

– А ты ее видел? – щелкнув зажигалкой, спросил я.

– Да нет. Но точно какая-нибудь кукла Барби.

Я и сам, если честно, представлял новую начальницу в образе эффектной блондинки с кукольными глазами и резиновой улыбкой. Может, потому что очень хотел видеть ее в таком невыгодном свете. Потому что хотел казаться умней и полезней для общего дела, чем она. Хотел, чтобы начальство поскорее убедилось в ее некомпетентности и выставило за дверь, вернув меня на прежнее место...

Конечно, я подозревал, что негодная мне начальница может существенно отличаться от этого трафаретно-глянцевого образа. Но все же надеялся, что она будет как минимум симпатичной. Хотя бы потому, что нуждался в дополнительном поводе, чтобы оправдать свое поражение. Все должны были понимать, что главная заслуга нового начальника заключена в ее внешних данных, именно для того, чтобы угодить ей, любвеобильный генерал и назначил ее на мою должность. Но все же я очень удивился, когда увидел ее.

В кабинете майора Мережика нас ждала женщина лет тридцати пяти. Она действительно была блондинкой, но вовсе не такой фееричной, как я представлял. Волосы неважные, жидкие, неосторожно выжженные пергидролем, лицо широкое, скуластое, брови хлипкие, глаза пепельного цвета, будто выцветшие, перегоревшие, нос можно было бы назвать красивым, если бы природа не выгнула его дугой. Не сказать, что сильная кривизна у носа, вовсе не уродующая, но все же заметная, если я сразу обратил на нее внимание. Как и на тонкие, тускло окрашенные губы. Кожа лица чистая, нежная, но уже вяловатая, хотя подбородок еще подтянут. На широких плечах – капитанские погоны, и не разобрать, что прячется в складках большого, как будто не по размеру кителя. Может, и груди там вовсе нет.

Женщина смотрела на меня сосредоточенно и хмуро, как на своего потенциального врага. Значит, понимала, что съела мое мясо. В ее взгляде чувствовалась нехватка уверенности, но и страха не было. Зато угадывалась хоть и не злая, но как минимум малоприятная ирония. А недостаток уверенности она компенсировала тем, что неторопливо поднесла руки к подбородку, сцепив их по пути в замок, на который спокойно и уложила голову. Этим жестом она подсознательно защищала свою грудь и подбородок, а в сцепленных в замок ладонях концентрировала энергию, которую могла направить против меня. И в то же время она давала понять, что готова к диалогу со мной. Из-за того, что подбородок упирался в костяшки пальцев, ее нижняя челюсть была немного скована, значит, если диалог и будет, то сквозь зубы...

Она сидела за приставным столом, слева от нее находился Мережик, а я занял место в ряду стульев, спинками прижатых к стене. Хотелось скрестить руки на животе, но тогда женщина могла подумать, что я боюсь ее и закрываюсь, чтобы она не смогла меня уязвить. Поэтому я сел, откинувшись назад и расправив плечи, раскрытыми ладонями опершись о бедра. И ноги сильно раздвигать не стал, но это уже из этических соображений. Рядом со мной с недовольным видом опустил Вадим Агранов и тут же оказался в фокусе женского взгляда. Похоже, начальница почувствовала его неприязнь. А как она думала? В уголовном розыске люди работают, а не борются за права эмансипированных женщин...

Глядя на нее, я уже не думал о том, что мое место она заработала чем-то непотребным. Ну не позарился бы на нее генерал. Да и Хворостов тоже... Может, я и впрямь стал жертвой гипертрофированной феминизации?.. Если так, то я не должен злиться на эту женщину. Но при этом вправе бежать из этого дурдома, в который превращалась наша славная милиция.

– Прошу любить и жаловать, капитан Бесчетова Дарья Борисовна, – пристально глядя на меня, представил начальницу Мережик.

Похоже, он внушал мне, что я обязан любить ее и жаловать. Напрасные потуги. Я сидел с непроницаемо беспечным лицом и мысленно чихал на мысленные посылы начальника. Он молодой и перспективный, пусть сам любит всех, кого жалует. А я всего лишь номер отбываю, ну и заодно думаю о пенсии. Всего-то два года, и здравствуй, свободная жизнь.

– Дарья Борисовна служила в управлении уголовного розыска нашего ГУВД, работала в отделе по раскрытию имущественных преступлений, – продолжал майор.

Агранов демонстративно зевнул, чем заслужил мысленные аплодисменты, и, похоже, не только с моей стороны. Я заметил, как, сдерживая смешки, опустили глаза Витя Кузема и Антон Данилов. Но при этом я почему-то не обрадовался, а напротив, загрустил. До чего же ты докатился, капитан Петрович, если такие каверзы против своих недругов поощряешь?.. Так и застыдиться недолго.

– Четыре года стажа, восемь благодарностей от начальства.

– Всего четыре? – удивленно спросил Вадим.

– До этого я работала инспектором по делам несовершеннолетних, – строго посмотрев на него, довольно жестким тоном сказала Бесчетова. И, слегка замявшись, добавила: – Три года.

Голос у нее был слегка дребезжащий, с гортанной хрипотцой, но слух он вовсе не раздражал, скорее наоборот.

– Впечатляет.

– А чего тебе так весело, Агранов? – насупил брови Мережик. – Дарья Борисовна служит в органах всего семь лет, но это ничуть не умаляет ее достоинств.

– Кто бы сомневался, – буркнул Вадим.

– А ты, Петрович, чего молчишь? – провокационно, как мне показалось, спросил Мережик.

Похоже, он хотел, чтобы я излил свое недовольство прямо сейчас, при нем, чтобы затем не ошпарил им Бесчетову.

– А мне что, слово давали? – с наивным удивлением спросил я.

– Что-то громко ты молчишь, Петрович.

– Не знаю, не слышу.

– Ну-ну... Дарья Борисовна, вы, если что, говорите мне, жалуйтесь, я всегда вас поддержу. – Мережик смотрел на меня, а обращался к Бесчетовой.

– Я не привыкла жаловаться, – покачала головой женщина.

Эта фраза прозвучала бы пафосно, если бы не совершенно спокойный тон, которым она ее произнесла.

– Ну, тогда у меня все. Вы, Дарья Борисовна, можете идти, осваивайтесь в своем кабинете, а через два часа я вас всех снова соберу... Все свободны. А ты, Петрович, останься.

Я лишь слегка пожал плечами. Надо так надо. Я лицо подневольное, к тому же бесперспективное, как могу ответить отказом своему начальнику?.. На Бесчетову даже не глянул... Впрочем, если она потребует приветствовать свою персону троекратным «ку», я, пожалуй, не откажусь, по той же причине. Но пусть сначала потребует...

Не знаю, может, она почувствовала ноту, на которой вибрировала моя душа, или у нее был какой-то замысел, но в дверях она остановилась и, взыскательно глянув на меня, обратилась к начальнику:

– Товарищ майор, если можно, пусть капитан Петрович зайдет потом ко мне.

– Ну конечно, товарищ капитан! – прощально улыбнулся ей Мережик.

И, оставшись со мной с глазу на глаз, не без упрёка сказал:

– Напрасно ты на нее дуешься, Петрович. Она к нам вовсе не стремилась, ей и в управлении было неплохо. Ну попала генералу вожжа под хвост, что ж теперь?

– Да я понимаю, – равнодушно сказал я.

– Понимаешь. А вид похмельный. Знатно, видать, употребил.

– Вчера не жаловался.

– А сегодня?.. То-то же... Почему не спрашиваешь, сколько Бесчетовой лет?

– Все равно.

– Тридцать шесть, твоя ровесница. И всего семь лет стажа... Она раньше в солидной фирме работала, в юридическом отделе. А муж в милиции служил, в управлении, в уголовном розыске, как раз в том отделе, где она до нас была. Может, помнишь, был такой капитан Бесчетов.

– Ну, помню... Он с нами по кражам работал, – вспомнил я. – Убили его.

Память у меня хорошая, пока не жалею. Потому и Бесчетова смог вспомнить. Ему и тридцати не было, когда его застрелили. В городе тогда орудовала банда борсеточников, Бесчетов пытался одного задержать, а у преступника оказался пистолет... В общем, пал капитан смертью храбрых. А ведь неплохой был парень, бойкий, улыбочивый и дело свое четко знал.

– Ну вот видишь, сам знаешь... Когда это случилось, Дарья наша Борисовна уволилась, надела погоны. Сразу в уголовный розыск ее не взяли, но баба она упрямая, своего добила. Я так понимаю, дело мужа продолжила...

– Честь ей за это и хвала, – сонно посмотрел я на Мережика. – От меня что нужно?

– Помочь ты ей должен.

– Всегда пожалуйста. Пока рапорт не удовлетворят, буду помогать, по мере сил.

– Какой рапорт?

– Домой хочу, в родную деревню, до пенсии два года осталось, участковым дослужу. Кстати, деревня у нас тоже не перспективная, такая же, как я.

– Ты не дури, Петрович, не надо! – насупился Мережик.

– Я не дурю. Это я раньше дурил, когда голову под пули подставлял. А сейчас я умным буду и осторожным, как все перспективные. Они же все, такие хорошие, дома сидели, когда меня убивали. А теперь еще и смеются надо мной. Ну да ладно, пусть смеются, мы, неперспективные, не гордые.

– Все сказал?

– Все.

– Может, домой пойдешь, отоспишься, успокоишься? – неуверенно посмотрел на меня майор.

– Это вопрос или разрешение? Если разрешение, пойду. Чего напрягаться? От работы конидохнут.

– От работы кони крепнут.

– Ну, это молодые кони крепнут, те, что перспективные. А мы, простые и бесперспективные, нас никто не бережет, нам самим о себе заботиться надо.

– Да, развело тебя, Петрович, – огорченно вздохнул Мережик.

– Ну, так что, домой идти можно? – апатично спросил я.

– Иди. Если работы нет.

– Да работа всегда есть.

– Ну тогда иди, работай. И не хнычь, тебе это не идет.

Я мог бы послать его на три буквы за такой совет. Но не стал этого делать. Всплеск эмоций окрасит мою обиду в черный цвет. А она должна быть фиолетовой. К тому же мой гнев утвердит начальника во мнении, что со мной не все в порядке. А полное равнодушие к его реплике утвердит меня самого, а он ощутит свою неправоту... Впрочем, какая мне разница, что думает про меня начальник, хороший я или плохой? Все равно недолго мне здесь осталось. Завтра, когда похмельная тяжесть в голове рассосется, напишу рапорт и отправлю его по команде. Хворостов только рад будет избавиться от меня, старого и неперспективного.

Я даже ухом не повел в сторону Мережика. Как будто и не расслышал его колкость. С абсолютным безразличием ко всему поднялся и вышел из кабинета.

– Да, к Бесчетовой зайди! – бросил мне вслед начальник, с досадой, как мне показалось, на самого себя.

Может, он и винит себя за то, что вслух причислил меня к нытикам, но мне действительно было все равно. Такая апатия отуманила меня сейчас, что даже обижаться было лень.

Глава 4

Дверь в кабинет начальника уголовного розыска была закрыта. Деревянное полотно, обитое жестью, краска серого цвета, трещины, вмятины, даже чернильная клякса под красной табличкой с золотистыми буквами. Я ведь сам лично собирался перекрасить эту дверь, освежить, облагородить. Но ведь не дали. Потому что я никчемный капитан, недостойный высочайшего расположения... Обидно.

В дверь я стучать не стал, дернул за ручку, открыл, зашел в кабинет. Хмуро, но вовсе не исподлобья глянул на Бесчетову. Она стояла ко мне боком и смотрелась в зеркало, подкрашивая губы.

– Стучаться надо!

Недовольно глянув на меня, она спрятала тюбик помады и одной губой промокнула другую.

– Виноват, – флегматично отозвался я.

– «Виноват», – передразнила меня капитан.

Она неторопливо заняла начальственное кресло, локоть правой руки поставила на стол, подперла щеку левой ладонью, направив вверх указательный палец. Она оценивала меня, и, судя по всему, весьма негативно. Впрочем, я выслуживаться перед ней не собирался, и мне без разницы, что она обо мне думает.

– Со всех сторон вы виноваты, товарищ капитан, – выдержав начальственную паузу, сказала она.

Я молча пожал плечами. Она, конечно же, не права, но спорить с ней совершенно не хотелось.

– Вчера самовольно покинули место происшествия.

Я кивнул, соглашаясь. Лицо мое ничего сейчас не могло выражать, кроме невероятной скуки.

– Жалоба на вас поступила, приставали к свидетельнице, – продолжала Бесчетова.

– Устная или письменная? – кисло спросил я.

– К счастью для вас, устная. Но ведь было?

– Может, и было. Но вам это не грозит.

– Что мне не грозит? – вскинулась она.

– Обещаю, к вам приставать не буду.

– А я еще и не позволю!

– Не позволите, и не надо. Что еще?

– А этого мало? Самовольно покинули службу, непотребно вели себя с женщиной!

– А чего воздух сотрясать? Выговор мне запишите, всего-то делов.

– Выговор... – В нервном раздумье Бесчетова взяла со стола карандаш, импульсивно постучала кончиком по столу. – Выговор – это всегда успеется... Между прочим, вчера человека убили, женщину, а вам и дела до этого нет.

– Да нет, ее убили не между прочим, – в снисходительной насмешке слегка скривил я губы. – Ее убили профессионально.

– Я была на месте. После того, как вы самовольно отсюда ушли. Видела труп, – прикрыв глаза, пальцами правой руки она несильно ущипнула себя за переносицу.

Сосредоточиться пытается, думает, размышляет. Что ж, ей без этого никуда. Начальник уголовного розыска – дело серьезное. И, главное, ответственное. Вот пусть она и ломает голову, как убийцу найти, как отчитаться перед начальством, если вместо галки поймает глухаря. А мое дело маленькое – что сказали, то и сделал.

– И с женщиной разговаривала, с соседкой покойной...

Бесчетова с ожиданием смотрела на меня. Я, наверное, по ее мнению, должен был уточнить, та ли эта женщина, любви которой я домогался. Но я молчал, потому что все мои эмоции были окрашены в нейтральные цвета. Чего переживать, если нет письменного заявления со стороны «пострадавшей»? А слова – это всего лишь слова.

Не дождавшись реакции с моей стороны, Бесчетова продолжила:

– Так вот, гражданка Чижова утверждает, что позавчера вечером к потерпевшей приходил бывший муж. А предположительно, ночью она была задушена...

– Бывшего мужа зовут Родион, – меланхолично дополнил я. – И мать потерпевшей считает, что он мог претендовать на ее квартиру.

– Ну вот видите, все указывает на бывшего мужа потерпевшей! – взбодрилась Бесчетова.

– Что указывает? – сонно зевнув, спросил я.

– Я же сказала, все! Родион ночевал у своей бывшей жены, он ее и задушил.

– Ну да, задушил. Профессионально задушил, удавкой. А потом навел на кухне идеальный порядок и ушел.

– При чем здесь кухня? – пылливо посмотрела на меня капитан.

– Ну, видимо, они совершали там прелюдию.

– Что делали?

– Вино пили, может быть, коньяк, я не знаю. Но пили, для раскрепощения чувств. А потом в постель...

– И что?

– А то, что следы торжества по этому случаю были тщательно уничтожены... Не знаю, возможно, там, на кухне, вообще ничего не было. Может, он и она сразу нырнули в постель, так иногда бывает, как это ни странно... И вообще, информацией я не владею, чтобы судить точнее. Но кажется мне, что у экспертов на кухне работы не было, как не было там и отпечатков пальцев... Ну может, отпечатки пальцев покойной и нашлись, но посторонних не было...

– Я не знаю, результаты экспертизы пока не готовы, – пожалала плечами Бесчетова. – Но я точно знаю, что на кухонном столе ничего не обнаружено, как будто все специально было стерто... И посуды на столе не было... Но это указывает лишь на то, что, совершив убийство, бывший муж потерпевшей уничтожил за собой следы.

– Он что, идиот?

– Ну, не знаю. Если убил, то, наверное, да...

– Сомневаюсь. Зачем ему было уничтожать следы, если перед тем, как попасть в квартиру к своей бывшей жене, он засветился перед соседкой? Причем засветился по своей собственной воле. Письмо из налоговой передал.

– Возможно, он забыл об этом. Убил, разволновался, а оттого и забыл... От волнения, знаете ли, всякое бывает...

– Может, и так, – не стал спорить я.

– Бывший муж потерпевшей виноват, больше некому, – заключила Бесчетова.

– Ну да, Дездемона... то есть Эльвира молилась на ночь, а Отелло... пардон, Родион подошел к ней сзади и задушил.

– Банальное сравнение. Но по существу, – кивнула капитан.

– А молилась гражданка Моносеева голышом, стоя на коленях на самом краешке своей постели. Бывший муж подошел к ней сзади, и...

– Я видела положение трупа. Не знаю, молилась ли Моносеева, но, в общем, все примерно так и происходило. Возможно, она собиралась лечь на кровать, поставила коленку на край, и в это время на нее сзади набросили удавку. И действительно, она в этот момент была без одежды...

– И Родион, видимо, тоже. Ведь они спали вместе...

– Судя по характерным пятнам на постели, между ними был физический контакт, – Бесчетова пристально, немигающе смотрела на меня, как будто давала понять, что в силу профессионального долга ей совершенно не стыдно говорить о «характерных пятнах» в присутствии мужчины. А может, она хотела сказать, что не видит во мне мужчину. Мне, в общем-то, было все равно и совсем не обидно. – Конечно, патологоанатом даст более точное заключение...

– Допустим, был контакт, и что? – флегматично спросил я.

– Как что? – эмоционально отреагировала начальница. – Это объясняет, почему в момент своей гибели Моносева была без одежды...

– Без халата.

– К чему такие подробности?

– Скажите, вы ходите по дому в халате?

– Ну, хожу, – чуточку зарумянилась Бесчетова. И отвела в сторону слегка застыдившийся взгляд.

– А когда спать ложитесь, снимаете?

– Разумеется... К чему вы клоните, товарищ капитан?

Не скажу, что ей потребовалось неимоверное усилие, но все же она немного напряглась, заставляя себя смотреть на меня.

– И как вы складываете свой халат? Укладываете его по-солдатски вдвое или втрое, перебрасываете через спинку стула или вешаете в шкаф?

– Когда через спинку стула, а когда и в шкаф... По-солдатски точно не укладываю.

– Потому что в армии не служили, в казарме не спали.

– Это что, упрек?

– Нет, простая констатация. И Моносева в армии не служила. А ее халат уложен по-солдатски. Ну, это мое личное мнение. Может, сейчас в «Космополитене» проповедуют новомодный способ укладки халатов...

– Не знаю, вряд ли... А как лежал халат покойной, я видела. Действительно, не совсем естественно. Но у каждой женщины свои причуды, и без всяких там «Космополитенов»...

– А пуговицы вы не отрываете, когда халат расстегиваете?

– Ну, если нитка перетерлась, то может и пуговица отвалиться...

– Да нет, там не нитка перетерлась, там с мясом вырвано... Только не думайте, что я претендую на лавры Пинкертона. Тем более у меня нет даже данных о предварительном осмотре места происшествия. Но сдаётся мне, что Моносева в халате была, когда ее душили. А убийца потом этот халат с нее снимал, потому и пуговица была вырвана с мясом...

– Но, возможно, это сделал бывший муж потерпевшей.

– Зачем?.. Он спал с Моносевой, и многие об этом знают. Тем более контакт, возможно, был. Если бы он хотел, чтобы подумали на кого-то другого, он бы, напротив, надел на нее халат... К тому же он маленький, щупленький... Ну, если верить соседке... А Моносева была задушена профессионально... Я так полагаю, гитарной струной... Знаете, почему профессионалы пользуются струной? Потому что она не просто душит, но и в кожу глубоко врезается. Есть даже специальная струна с алмазным напылением, эта просто голову отрезает... Но тут, видимо, толстая струна была, потому что в кожу врезалась, но не до крови...

– Разве не мог Родион купить струну в магазине... Кстати, не так уж и много магазинов, где можно купить гитарную струну, надо бы обойти их...

– Кому нужно, тот пусть и обходит... Но этого мало, струну купить. Нужно еще петли на концах сделать...

– Может, Родион и сделал...

– Не исключено. Хотя не думаю... Легче инсулин купить, чем удавку сделать. Вколол сверх дозы – и все...

– Ну, он мог этого не знать.

– Там еще один момент был. Моносееву душили по всем правилам военной науки. Когда разведчик часового снимает, он удавку на него набрасывает, затягивая узел, тянет на себя, бьет в спину, чтобы свалить с ног, а на земле уже дожимает... На пояснице потерпевшей я видел кровоподтек, возможно, от удара. Хотя, конечно, я могу ошибаться. Но чувствуется, что работал профессионал, служивший в армии...

– А бывший муж покойной в армии служил?

– Чего не знаю, того не знаю.

– Узнаем... В общем, я думаю, что его нужно брать.

– А санкция есть?

– Надо позаботиться.

– Этим пусть следователь занимается, – без всякого энтузиазма парировал я.

– Его еще не назначили. А мы по горячим следам работаем.

– Желаю удачи.

– Я не поняла, вы что, товарищ капитан, отказываетесь работать?

– Ну, если санкция нужна, могу посодействовать. А на задержание ехать отказываюсь.

– Почему?

– А если этот Родион профессионал? Может, он в каком-нибудь элитном спецназе служил, может, с трех рук стреляет? А я жить еще хочу.

– Вы что, боитесь? – обличительно вытаращилась на меня Бесчетова.

– Ну да. Нормальным человеком решил стать. А нормальные люди под пули не лезут. Тем более когда им всего два года до пенсии осталось.

– Но тогда за вас кто-то другой на это дело пойдет. И вам что, не будет стыдно?

– Воспитывать меня собираетесь? Что ж, я не против. Только говорите потише, а то я засыпаю.

– Я вижу, что вы засыпаете, – неприязненно оттопырив нижнюю губку, гневно сказала капитан. – И ваше отношение к службе вижу... Ведете себя как трус и еще воображаете из себя что-то! А если хотите спать, пожалуйста, идите домой, проспите!

– А если у меня работа? – безнадежно скучным тоном спросил я.

– Оставьте свою работу для других. Для тех, кто ее более достоин!

Похоже, она всерьез собралась возвать к моей совести. Ну до чего же наивными бывают люди!

– Очень рад, что у меня такой заботливый начальник. До завтра!

Бесчетова недоуменно смотрела, как я поднимаюсь и поворачиваюсь к ней спиной. Неужели она действительно рассчитывала, что я всерьез проникнусь внушаемой мне моралью?

Моя «Нива» со вчерашнего дня стояла на стоянке перед зданием РОВД, трогать я ее не стал, потому что всерьез вознамерился поправить свое здоровье холодным пивком.

Солнце сегодня разошлось не на шутку. Начало лета, но жара такая, что через подошву чувствуется, как нагрелся асфальт. И ветра нет – выхлопы проезжающих машин стелятся над землей, миазмами расплозаются от дороги, растекаются по тротуарам. А вокруг – каменные коробки домов, редкие тополя, с которых вместо прохлады срывается раздражающий пух... Сейчас бы в деревню, в освежающую сень шелестящего леса, бегом к реке, скинуть одежду и с разгона в холодную воду, взмылить руками глинистое дно, с шумным фырканием вынырнуть и заорать от счастья во всю мощь своего голоса...

Но сегодня мне пришлось довольствоваться летним кафе, столиком под тенистой кроной старого вяза и двумя кружками студеного «Туборга». Я не стал крепить водкой бархатистую мягкость оживляющего напитка, поэтому домой пришел в ясном сознании. Укол совести лишь слегка царапнул душу и не смог прогнать сон, встряхнув меня изнутри. Я мгновенно заснул.

Встал рано утром, с легкой головой, размялся перед открытым окном, освежился под холодным душем, соорудил пару бутербродов, заправился кофе и отправился на службу.

Там я и узнал, что вчера ночью был задержан бывший муж гражданки Моносеевой. Рабочий день еще не начался, а Вадим Агранов уже допрашивал его.

Я зашел в его, верней, в наш общий кабинет и увидел невысокого худосочного мужчину с большими навывкате глазами и маленьким ртом. Он сидел на стуле, забросив обе руки назад, за спинку – со стороны могло показаться, что его запястья стягивают стальные браслеты. Но не было никаких наручников, зачем же тогда этот тип изображал из себя жертву? Может, он и в жизни ведет себя как непризнанная невинность...

– Я еще раз спрашиваю вас, гражданин Багеров, где вы находились в ночь с восьмого на девятое июня? – подмигнув мне, спросил у задержанного Агранов.

Уж он-то на жертву обстоятельств никак не был похож. Животом навалившись на стол, грудью опираясь на скрещенные руки, он глыбой навис над мужчиной. При этом он благодушно улыбался, но в его неподвижных глазах я видел свинцовый блеск и чугунную тяжесть.

– Я же говорю, дома был, – задержанный робко потупил взгляд.

– Вот я вас два раза спросил, Родион Андреевич, а вы мне два раза ответили неправду. Два раза спросил – два раза неправда... Зачем вы неправду мне говорите? – давил на него Вадим.

– Но это правда.

– Что, и к своей бывшей жене не заходили?

– Нет.

– Ну зачем же так категорично? Скажите, что заходили своей бывшей жене, спросить, как жизнь, какие планы на будущее. Я советую вам это сказать, Родион Андреевич. Хотя бы потому, что вас видела гражданка Чижова, вы ей письмо из налоговой приносили.

– Ах да! – неубедительно встрепенулся Багеров. – Было дело, заходил я к соседке. Все как вы говорите, за жизнь спросить, о планах на будущее...

– Вот видите, как все хорошо, Родион Андреевич, – с виду искренне обрадовался Агранов. – Легко работается, когда следствие и подследственный друг друга понимают с полуслова. Но я еще не следствие, да и вы можете избежать участи подследственного. Если, конечно, будете внимать моим советам. Вы же видите, Родион Андреевич, я совершенно не желаю вам зла... Итак, один совет вы приняли, теперь давайте дальше, в том же направлении...

Вадим умел увещающей нитью голоса плести крепкие сети. Я хорошо знал своего коллегу, поэтому почти уверен был в том, что в его советах таится подвох.

– Итак, совет второй. Вы должны сказать мне, что от Эльвиры ушли ночью, в третьем часу ночи... Гражданка Нагорнова точно не помнит, в каком часу возвращалась домой, но точно помнит, что видела, как вы садились в свою машину...

– Какая гражданка Нагорнова? – напрягся Багеров.

– Ну, «гражданка» в этом случае звучит как-то не очень, – потянувшись на стуле, благодушно зевнул Агранов. – Ее просто Любка зовут. Эльвира на четвертом этаже живет, а Любка на седьмом. Вы, Родион Андреевич, ее, наверное, и не знаете. Вы когда с женой развелись, ей всего четырнадцать лет было. А сейчас она уже девушка-красавица... Соседи говорят, что не совсем она порядочная, с кавалерами по ночам таскается, ай-яй-яй. Ну, мы-то верить сплетням не будем, правда, Родион Андреевич? Мы же мужчины, да?.. Может, все-таки знаете ее? Мелкие косички у нее на голове, красится очень сильно, груди в декольте – ух, а ножки, так вообще сказка...

– Мелкие косички? – схватил наживку Багеров. – Ну, видел, знаю...

– Значит, в ночь с восьмого на девятое июня вы видели ее во дворе дома, когда садились в свою машину.

– Нет, не видел!.. – встрепенулся задержанный. – То есть видел, но не тогда!

– Но она-то вас видела. В третьем часу ночи... Точней пока сказать не могу. Мы сейчас ее кавалеров ищем, ну, с кем она тогда к дому подъезжала, вернее, уже нашли, сейчас поедем, узнаем, они нам более точное время скажут...

– Но я в первом часу ночи уехал, – не выдержал прессинга Багеров.

– Домой?

– Домой.

– От Эльвиры?

– От Эльвиры.

– Bravo, Родион Андреевич! Приятно работать с умными людьми, которые следуют твоим советам... Только вот плохо, что вы все время мне врете. То говорите, что вообще вас не было у Эльвиры Васильевны, то рассказываете, что на чуть-чуть к ней заскочили, а сами провели у нее... давайте считать... пять часов у нее дома провели... Я, конечно, понимаю, она ваша бывшая жена и дом ее, считай, ваш... Ваш дом, да? Вы же квартиру на совместно заработанные деньги купили, да? – Агранов нажимал на растерянного мужчину, не давая ему передышки. – Вы когда с Эльвирой разводились, квартиру ей оставили. А сами с новой женой и ребенком втроем в одной комнате живете, а Эльвира одна трехкомнатную квартиру занимает. Несправедливо, правда?

– Э-э, я не знаю... Вы не даете мне сосредоточиться! – запротестовал Багеров.

– А правда, если вы не знаете, не требует сосредоточения. Правда, она как вода с высоты льется, сама по себе. Это когда врешь, напрягаться приходится. А вы врете мне, Родион Андреевич, пытаетесь доказать, что не было вас у Эльвиры Васильевны. А мы-то знаем, что вы были. Да вы и сами признались... Что было, в том и признались. Поздравляю вас с почином, Родион Андреевич. Давайте продолжайте в том же духе, и скоро вы почувствуете, как раскроется ваша душа навстречу правде, какой бы горькой она ни была... Ну что, начнем раскрываться?

– Но я не убивал Эльвиру, – нервно заламывая пальцы, сказал Багеров.

– Да, но она погибла примерно в то время, когда вы от нее ушли. Как раз в промежутке между двенадцатью и часом ночи.

– Когда я уходил, она была жива...

Я поднял руку, призывая Вадима взять паузу. Пусть передохнет немного.

– Скажите, Родион Андреевич, вы в армии служили?

– Нет, у меня белый билет... Язва, плоскостопие...

– Психические заболевания в этом наборе были?

– Нет, что вы! Меня бы ни на какую работу не взяли.

– А где вы работаете?

– Экономист я, на заводе. Поверьте, работа очень ответственная!

Багеров смотрел на меня, капризно надув щеки. Обидели его мои намеки. Эка цаца!..

– Поверил... Значит, в армии не служили?

– Нет.

– А на гитаре играть умеете?

– Нет, пробовал когда-то, не вышло. Пальцы у меня нежные, больно струны перебирать...

– А гитара есть?

– Зачем мне гитара, если я играть на ней не умею?

– Логично...

Я неторопливо приблизился к задержанному, пристально посмотрел на него сверху вниз.

– Может, борьбой увлекались, самбо там, дзюдо...

На полуслове сделал резкое движение, будто собирался атаковать Багерова. Но никакой реакции, кроме заячьего страха, не выявил.

– Нет, не занимался, – съезжившись, пугливо смотрел на меня мужчина.

– Да вижу, что нет...

Я вернулся на место, а Вадим продолжил допрос. Но я почему-то был уверен, что расколоть Багерова он не сможет.

Агранов сумел заморочить ему голову и даже довести его до слез. Но признания так и не услышал. И квартирой упрекал его напрасно, и на мораль давил, предрекая, что молодая жена обидится, когда узнает, в каких отношениях он был с покойной. Как ни крутил он руль, а на прямую дорогу выехать не смог.

А потом появилась Бесчетова и велела зайти к ней в кабинет. Пришлось вызывать конвой и отправлять Багерова в изолятор.

– Вот жук, не колется, – посетовал Вадим.

– Про Любку с мелкими косичками сам придумал? – с ироничной насмешкой спросил я.

– Да нет, была такая. Вчера соседей опрашивал, на Любку эту вышел. Красивая девчонка, сочная, у-ух и шалавистая. Правда, с пацанами по ночам таскается, только ничего не видела...

– Плохо. А то, что Багерова на пушку взял, хорошо.

– Я за ним всю ночь вчера гонялся.

– Почему гонялся?

– Ну, не гонялся. И не всю ночь... У родителей он с женой гостил, вернулись поздно. Тихо взял его, мирно, без стрельбы... Что ты там Бесчетовой наплел, с трех рук этот жук стреляет? – развеселился Агранов. – Она мне с таким серьезным видом рассказывает, а я со смеху лопаюсь... Вот дура, она всерьез поверила, что ты испугался.

– Дура не дура, а Багерова к делу пришить хочет, – заметил я.

– Все правильно, только пришла и сразу галка в мокрой графе... Если честно, я бы не отказался от такого варианта, все-таки отчет на носу, но чует моя селезеночка, что с Багеровым нам ничего не светит. Хотя, конечно, за уши притянуть можно...

– Я так понял, Багерова на тебя взвалили.

– Ну да, конечно! Ты тоже в упряжке...

– Обыск у него в квартире проводили?

– Да, санкция была, и обыск тоже. Только ничего не нашли. Так что зря ты про гитару спрашивал. Не было у него гитары... И струны тоже...

– С экспертами общался?

– А что – нужно?

– Да всего понемногу... Ладно, я сам с дядей Ваней поговорю... Там нас вроде куда-то звали.

Совещание у начальника отдела началось с фарса. Бесчетова во всеуслышание объявила благодарность капитану Агранову за мужество, проявленное при задержании особо опасного преступника, и прямо на месте сделала запись в карточку учета поощрений и взысканий. Это был камень в мой огород. Но я даже обижаться не стал.

Затем, демонстративно улыбаясь Агранову, доверительным тоном попросила сообщить его о ходе дела. Не вдаваясь в подробности, Вадим рассказал о разговоре с подозреваемым.

– В общем, колотья не хочет, – заключил он.

– Хочет не хочет, а надо. В момент убийства в квартире находился? Находился. Алиби есть? Алиби нет...

– Удавка есть? Удавки нет. Прошу прощения, что перебил, – сухо, ничуть не раскаиваясь в содеянном, извинился перед начальником я.

– Удавку можно было выбросить, – недовольно посмотрела на меня Бесчетова.

– Да это я так, к слову. А то сижу, молчу, еще подумаете, что за дело не болею.

– А что, болеете?

– Да за Багерова переживаю. Маленький он, щупленький, такой в тюрьме в два счета загнется... Кстати, в армии он не служил. Да и сил на удавку у него вряд ли хватит...

– Слабенький, – подтвердил Вадим.

– Зато Эльвира женщина хоть куда, – сказал я. – И выше, и мощней... Не думаю, что Багеров мог с ней справиться.

– Да? Тогда кто ее задушил?

– Работать надо, выяснять, – пожал я плечами.

– Если работал профессионал, как вы говорите, то, возможно, это заказное убийство, – предположила капитан.

– Запросто. Главный бухгалтер банка – это, знаете ли, не просто так. Смерть, она в больших деньгах прячется. Может, Моносева что-то не так сделала или узнала то, чего не должна была знать...

– Да, но тогда этим делом РУБОП займется или убойный отдел.

– Ну и что? Мы все равно на подхвате останемся.

– А палку кто срубит?

– Тот, кто до нее дотянется.

– РУБОП до нее дотянется, если возьмется.

– В кого вы верите, товарищ капитан, на того и будем молиться, – удивляясь своему равнодушию, сказал я.

Я не верил в причастность Багерова к убийству, жалел его, представляя, как тяжело ему придется в казенном доме. Но при этом желание установить и разыскать истинного убийцу не понуждало меня к работе. Мое дело маленькое: чем прикажут, тем и буду заниматься.

– Надо на Багерова надавить, – после некоторого раздумья решила Бесчетова. – Все-таки он виноват и должен сознаться в содеянном.

– В каком смысле надавить? – с тусклым сарказмом спросил я.

– Ну, есть определенные меры воздействия... – для виду замялась капитан. – Не мне вам объяснять.

– Ну почему не вам? Объясните нам, неразумным, а мы попробуем понять... Вызовите Багерова к себе в кабинет, а мы посмотрим, как нужно на него давить.

Глядя в окно, Бесчетова нервно выбила пальцами барабанную дробь по столу.

– Я с ним, конечно, поговорю... Но без вашего присутствия.

Я молча развел руками. Что ей будет угодно, то я и приму как данность. Только не надо изматывать меня работой. Беречь я себя должен, для пенсии... Может, я для милиции неперспективный, а в будущем стану первостатейным фермером, возможно, мною будет гордиться вся страна. Поэтому и должен был я копить, аккумулировать в себе силы.

– Так, а теперь конкретно по работе, персонально с каждым, – пристально, из-под бровей посмотрела на меня Бесчетова. – Все свободны, а вы, капитан Петрович, оставайтесь.

Она ни слова не сказала об убийстве на Каланчевской улице, но бульдозером прошлась по завалам заявленных, но не раскрытых преступлений. Не понравилось ей и состояние нашего оперативно-разыскного учета... Можно подумать, мне оно нравилось. Был у нас оперуполномоченный старший лейтенант Прыгин, интеллигент в третьем поколении, книжная душа и белоручка. Раскрытие преступления, розыск и задержание преступников – работа грязная и опасная, Прыгину она не нравилось, и он, как мог, ее избегал. А он мог, потому что его поставили ответственным за ведение оперативных учетов. Работа бумажная, кропотливая, к тому же секретная и требующая массы специальных знаний. Вот где Прыгин себя проявил. С головой ушел в картотеку, навел там идеальный порядок. И что? Года не прошло, как забрали его от нас в ГУВД, там он сейчас тем же делом занимается. Кстати говоря, «майора» недавно получил... Это бумажные души, как на крыльях, поднимаются высоко, а земляные черви копаются в навозе, воняет от них, потому что начальство не больно-то и жалуется нас, только погоняет и в перспективах роста отказывает...

Уголовный розыск – это такая дыра, куда валится вся криминальная грязь. Первое место занимают квартирные кражи – где-то работают профессиональные преступники, где-то виной

всему безалаберность граждан, где-то всякого рода мошенники под видом сотрудников собесов или Пенсионного фонда обирают доверчивых старушек. Второе место по количеству событий занимают грабежи. Особенно высокий показатель дают охотники за мобильными телефонами и борсетками. Ну и конечно же, не обходится без убийств. В основном мы работаем по бытовым версиям – где-то кто-то кого-то застрелил из ревности, кому-то досталось по пьяной лавочке из-за бутылки водки, случалось, что людей резали во время ограбления... И по всем этим преступлениям приходится работать, искать и задерживать виновных по горячим следам, если не повезет, подавать в розыск и самим же бегать за ними. А убийства, грабежи, кражи происходят постоянно, не успели раскрыть одно преступление, как повисло сразу два новых. Отдельной графой проходит розыск пропавших без вести граждан, а в этой работе коэффициент полезного действия не выдерживает никакой критики. В общем, как ни старайся, все равно весь ворох дел не поднять. И каким бы высоким ни был показатель раскрываемости, все равно «глухари» останутся, а это, надо сказать, не только печаль, но и услада вышестоящего начальства. Плохо, что преступление не раскрыто, зато есть возможность взять неугодного начальника угро за место, за которое подвешивают к доске позора. И берут, если вдруг что-то не так. Это только у прыгиных с их бумажной работой все в порядке, у них и рост по службе, и внеочередные звания, и в начальники же они потом выбиваются, чтобы затем проверять оперативные учеты, находить в них изъяны и с высоты своей бумажной души давить земляных червей из сермяжного уголовного розыска...

Надо сказать, Бесчетова ругала меня без упоения, она-то прекрасно понимала, что выявленные недостатки – это прежде всего ее воз, и ей запрягаться, чтобы тащить его в гору, которая, увы, никогда не закончится. Потому что преступления будут совершаться всегда...

– Все сказали? – спросил я, когда корзина претензий опустела.

– Не все. Боюсь, что нам с вами, товарищ капитан, не по пути, – заключила капитан.

Все правильно, в таких случаях вопрос лучше ставить ребром. Нет ничего хуже, чем работать с человеком, чью должность ты занял. Обида, как тот короед, будет подтачивать не только мою душу, но и общее дело, за которое ответственна Бесчетова. И очень даже хорошо, что она готова рубить с плеча. Значит, болеет за дело, значит, есть у нее стремление показывать хороший результат в работе. А для того, чтобы лебедем тащить воз в гору, ей нужно избавляться от несговорчивых раков и щук...

– Договорились, – невозмутимо кивнул я. – Сейчас напишу рапорт, а вы постарайтесь дать ему ход.

– Ну что ж, так будет лучше для нас обоих, – опершись о стол скрещенными в замок руками, немилосердно, хотя и безрадостно посмотрела на меня Бесчетова.

– Тогда я пошел?

– Идите... Жду вас через пятнадцать минут.

– Я сейчас.

Ровно через четверть часа я был в кабинете нового начальника, с отраженной в рапорте просьбой о переводе к новому месту службы. Но Бесчетова лишь мельком глянула на него.

– Сообщение поступило, – не глядя мне в глаза, сухо сказала она. – Убийство на Кармазина. Участковый сейчас в наряде, поэтому на место отправитесь вы, товарищ капитан.

Отказываться было глупо и даже преступно, поскольку поданный рапорт еще не ставил точку на моей работе в нашем РОВД. Пока не подпишут приказ о моем переводе, я обязан буду тянуть привычную лямку. А ведь его вообще могут не подписать...

Глава 5

Злиться умела не только зима. И у весны проходит пора, и уже лето гонит ее со двора. Гонит, а сил справиться с холодом пока нет. Вчера солнце асфальт плавил, а сегодня в городе снова ранняя весна. И зябко на улице, и дождь накрапывает, и худо тому, кто поверил в лето и оделся легко.

Мне-то ничего: с курткой я, как правило, не расстаюсь даже в жару, потому что под ней хорошо скрывать кобуру с пистолетом. А пожилая женщина, стоявшая у подъезда, даже кофту не надела. Короткая стрижка, крупная пурпурная бородавка на переносице, обрюзгшее с красными прожилками лицо, жирный подбородок колышется от сотрясения нижней челюсти. Женщина говорила с таким упоением, что не замечала холода. Тщедушный мужчина в фетровой шляпе с интересом слушал ее и сокрушенно качал головой.

Женщина стояла, спиной подпирая открытую дверь в подъезд. Увидев меня, она грудью загородила проход, избавленная от ее веса дверь радостно скрипнула.

– Куда?

– Уголовный розыск.

Я предъявил удостоверение и спросил, где находится труп, информацию о котором должен был проверить.

– Пойдемте, пойдемте!

Взяв меня под руку, взбудораженная женщина увлекла меня в подъезд, мимо каморки консьержки повела к лифту, возле которого стояла растрепанная техничка с ведром под ногами и шваброй в руке.

– Ты что, убираться вздумала? – в унисон с моими мыслями гневно протянула женщина. – Иди, иди, не вздумай!

Техничка устроила бы самую настоящую диверсию, приберись она в лифте и на прилегающей к нему площадке. К счастью, она еще не успела уничтожить следы преступления.

А преступление, увы, действительно имело место. В широком грузовом лифте с открытыми глазами, спиной опираясь о стенку, лежал мужчина. Он безжизненно смотрел в вечность и кому-то там угрожал кулаком. Костюм-двойка светло-серого цвета, из-под расстегнутого пиджака виднелась белая рубаха, густо залитая кровью.

В него стреляли – одна пуля попала в грудь, другая в голову, в надлобную часть черепа. Стенка лифта в том месте, где труп опирался о нее затылком, обильно орошена темно-красной жижей. На той же стене, чуть повыше, я увидел еще одно кровавое пятно и пулевое отверстие. Видно, пуля, попавшая в грудь, прошла навывлет и в брызгах кровавого фонтана пробила тонкий металлический лист. А вот вторую пулю мужчина получил уже после того, как упокоился на полу лифта. И, похоже, это был контрольный выстрел, произведенный в упор и сверху вниз.

Беглым взглядом осмотрев труп и место происшествия, я вынул из кармана телефон, чтобы позвонить в дежурную часть.

– Пойду наверх убираться, – сказала техничка, поднимая с полу ведро.

– Никаких уборок, – мотнул я головой. – На сегодня ваша работа закончена...

Скорее всего, в момент выстрела убийца находился на лестничной площадке. Жертва собиралась выходить из лифта, а он остановил его. Случиться это могло на первом этаже, поскольку время еще раннее, люди больше идут на работу, чем возвращаются с нее. Хотя мужчина мог идти домой после ночной смены, а на каком-то этаже его ждал киллер.

Я запретил уборщице заниматься своей работой, но домой отправлять ее не стал. Убийство, судя по всему, произошло недавно, и женщина могла что-то видеть, равно как и консьержка. Связавшись с дежурной частью, я запросил оперативно-следственную бригаду и кинолога с разыскной собакой. Кто его знает, возможно, удастся взять след убийцы.

– Прошу!

Я показал женщинам на открытую дверь комнатки консьержки, но сам вслед за ними входить не стал. Утренний час пик уже миновал, избытка жильцов не наблюдалось, но все же я должен был следить, чтобы мимо лифта никто не ходил.

Волноваться о том, что лифт с покойником может закрыться, не приходилось: открытые створки зафиксированы блокиратором. Хотя, конечно, все могло случиться. Поэтому, на всякий пожарный, я велел консьержке связаться с диспетчерской и обесточить лифт. И когда она это сделала, начал опрос. Консьержку звали Ольгой Дмитриевной, уборщицу – Розой Тимуровной.

– Кто первым обнаружил труп? – через открытую дверь спросил я.

– Женщина с третьего этажа, – приложив руку к вздымающейся груди, взволнованно сообщила Ольга Дмитриевна. – Марина ее зовут, она ушла, но я телефон записала, можно позвонить, если что...

– Если что... Когда это было?

– Так, сейчас... Я и телефон записала, и время... Вот, десять часов тридцать две минуты. Я посмотрел на часы. Одиннадцать двадцать одна... Целых пятьдесят минут прошло с момента, когда обнаружился труп. Долго. Хотя бывает и хуже.

– Значит, Марина. С третьего этажа... – глядя на консьержку, для разгона сказал я.

– Да, она лифт вызывала, дверцы открылись, а там труп. Она закричала, вниз по лестнице спустилась...

– А почему она раньше по лестнице не спустилась? С третьего этажа вниз на лифте – странно как-то, – вслух подумал я.

– Так она же не одна, ребенок у нее, он сам ходит, но медленно, на лифте быстрее... Она ему глаза, говорит, закрыла, когда увидела...

– Кому, покойнику?

– Да нет, ребенку!

– Ну да, ну да... Так, что можете сказать о личности убитого.

– Ну, личность известная. Может, вы его знаете, если из милиции. Адвокат он. Мне как-то совет дал... Анатолий Павлович его зовут, фамилия Меднянский... Он в начале одиннадцатого на работу пошел, мимо проходил. Вышел на улицу, а там холодно, решил домой вернуться, плащ, говорит, надену... Ну вот, вернулся...

– Ольга Дмитриевна, вы видели, как он в лифт заходил?

– Да, видела. Зашел, дверцы закрылись, лифт стал подниматься. А минут через десять Марина прибежала, дитя на руках несет... Покойник там, говорит.

– Минут через десять... А живет Меднянский на каком этаже?

– На одиннадцатом.

– Высоковато забрался.

– Высоковато, – тут же отозвалась консьержка. – Сказал, что квартиру менять будет, а то высоко, говорит, плохо, а у него гипертония, давление скачет...

Давление и стало причиной его смерти, подумал я. Давление пороховых газов...

– Уже не скачет, – скорбным тоном сказал я. – Меня интересует, кто его мог убить... Да, кстати, кто слышал выстрелы?

– Никто не слышал. Не было ничего.

– Может, вы, Ольга Дмитриевна, куда-то выходили?

– Да нет, здесь была... – неуверенно ответила женщина.

– А может, все-таки могли выходить?

– Ну, может, и могла... Но я у жильцов спрашивала, никто ничего не слышал.

– Вы что, по квартирам ходили?

– Нет, просто люди приходили, спрашивали, что там случилось. Ну и я спрашивала. Никто ничего не слышал...

– Ладно, разберемся, – мысленно перелистнув страницу воображаемого протокола, сказал я. – Значит, Меднянский повернул назад за плащом. Кто выходил на улицу после того, как он зашел в лифт?

– Девушка проходила, как зовут, не знаю, но живет у нас на пятом, кажется, этаже, – наморщив лоб, стала перечислять консьержка. – Еще кто-то проходил... Не помню кто, но, кажется, из наших...

– А не из ваших?

– Не из наших тоже был. Парень был... Да, парень... Высокий такой, ладный, ноги длинные, быстрые...

– А лицо?

– Так не запомнила я его лица... В куртке он был, с капюшоном. Капюшон накинул и пулей прошмыгнул мимо меня... Он в этой же куртке в подъезд входил. Синяя такая куртка, спортивная, с капюшоном, в такой куртке хорошо под дождем бегать... И очки солнцезащитные. Я еще тогда подумала, зачем ему очки, если дождь на улице... Да, он мокрый тогда был, когда входил. И выходил мокрый, не успел обсохнуть. Да что там полчаса каких-то...

– Так, подождите, не частите, – вытянув руку, осадил я Ольгу Дмитриевну. – Значит, парень этот зашел в подъезд, а через полчаса вышел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.